

ПОДНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НОВГОРОДА XVII в.

В исторической литературе давно отмечен факт сохранения пережитков наместнического кормления XV—XVI вв. в практике XVII и даже XVIII вв. М. М. Богословский видел причину этого явления в том, что государство не могло обеспечить местный аппарат управления из казны и потому было вынуждено мириться с практикой «кормления от дел». По мнению ученого, это же обстоятельство было одной из главных причин неудачи областной реформы Петра I. «Воеводское управление XVII в., — писал М. М. Богословский, — не усвоило вполне значение государственной службы нашего времени, не порвало со всеми чертами старинного кормления и обладало чертами, свойственными обоим этим порядкам, занимая середину между ними».¹

Современные исследователи Е. В. Вершинин, В. А. Александров, Н. Н. Покровский и другие подтвердили вывод о значительных пережитках наместнического кормления в воеводском управлении XVII в. на материалах истории Сибири. Вместе с тем названные исследователи подчеркивают принципиальное отличие воеводского управления XVII в. от наместнического управления XV—XVI вв.²

Крайней точки зрения — о том, что наместническое кормление сохраняется и в XVII в., придерживается современный исследователь этой темы Г. П. Енин. По его мнению, «общие с наместничьими способы получения доходов воеводами не оставляют сомнения в кормленном характере воеводской службы и в декларативности правительственных запретов на взимание кормов».³ Г. П. Енин пришел к выводу о «преемственности воеводами наместничьего кормления XVI в., сохранившегося в XVII в. практически в неизменности».⁴

По-особому представляет эволюцию пережитков кормления XV—XVI вв. в XVII столетии М. О. Акишин: «Расширение функций и увеличение штатов аппарата власти XVII в. привели только (!!! — П. С.) к расцвету должностных злоупотреблений». Автор изучил практику проведения петровских реформ в Сибири и уделил особое внимание громкому процессу о злоупотреблениях сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина и о других «лихоимцах» начала XVIII в. М. О. Акишин пришел к выводу, что в результате петровских реформ чиновники перешли «от криминальной солидарности

¹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719—1727 гг. М., 1902. С. 257—270.

² Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири в конце XVI—XVII вв. М., 1989. С. 14—15; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 111.

³ Енин Г. П. Воеводское кормление в XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века (XI—XVIII вв.): Тезисы докладов научной конференции. М., 1996. С. 189.

⁴ Енин Г. П. Расходные книги монастырей, владычных домов, земских старост и целовальников монастырских и архиерейских вотчин XVI—XVII вв. как источники для изучения воеводского кормления // Первые Дмитриевские чтения: Материалы научной конференции 21—24 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 118.

сибирских воевод XVII в. к созданию организованной преступности бюрократического аппарата».⁵

Д. О. Серов в еще большей степени связывает укоренение мздоимства в России с петровскими реформами. По его мнению, «чиновничье „беспредела“ Россия XVII в. не знала», и если бы не петровские реформы, то в XVIII в. появились бы «управленцы», в среде которых «все более уважался бы закон, не была бы нормальным явлением взятка».⁶

Таким образом, можно констатировать оживление внимания к данной теме в последние годы. При обилии подходов к изучению подношений в системе воеводского управления XVII в. исследование конкретно-исторического материала только началось и, за исключением серии статей Г. П. Енина,⁷ не связано с детальным анализом документов XVII в.

Настоящая статья представляет собой продолжение нашей работы о подношениях в московских приказах XVII в.⁸ и посвящена анализу подношений только в одном Новгороде на протяжении всего XVII в. Представляется важным предварить общие суждения о характере подношений в системе воеводского управления XVII в. анализом таких подношений в разных городах, как крупных, так средних и мелких с учетом их специфики.

Как центр воеводского управления Новгород имел целый ряд особенностей. Этот старейший город был центром огромной земли, и не случайно воеводами сюда посылали цвет столичной знати. Богатый посад, многие сотни земельных владений дворян и детей боярских, сотни больших и малых монастырей, пограничное положение — все это делало новгородское воеводство одним из самых доходных.

В статье будут рассмотрены подношения только в системе воеводского управления Новгорода с подчиненным воеводе (за исключением нескольких лет) новгородским дворцовым приказом.

Данная работа основана на документах фондов Иверского Валдайского (ф. 181) и Успенского Тихвинского (ф. 132) монастырей Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Переписка названных монастырей с новгородскими подворьями и посылаемыми в Новгород старцами, монастырские книги расхода денег в Новгороде содержат обширные и систематические данные о подношениях приказным людям в Новгороде.

Особенного внимания заслуживает фигура монастырского стряпчего, с чьих слов мы узнаем обстоятельства работы приказного апа-

⁵ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 3, 206.

⁶ Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 11—12.

⁷ Г. П. Ениным, кроме уже упомянутых тезисов и статьи, опубликованы еще две работы о сохранении наместнического кормления в Царевококшайске в XVIII в. В них лишь кратко упомянуто о такой же практике и в XVII в.: Енин Г. П. 1) Праздничное «кормление» царевококшайского воеводы в начале 60-х годов XVIII века // Марийский археографический вестник. 1993. № 3. С. 25—33; 2) Воеводское праздничное кормление в начале 60-х годов XVIII в. // ВИД, СПб., 1994. Т. 25. С. 103—116.

⁸ Серов Д. О. Подношения в московских приказах XVII в. // Отечественная история. 1996. № 1. С. 139—150.

парата. Служба на монастырском подворье не была легкой: как старцы, так и стряпчие не раз просили перевести их из Новгорода.⁹

Стряпчему нужно было везде успеть, а если из монастыря присылали старца, то ладить с ним. В 1671 г. П. Марков так изложил традиционный для монастырского стряпчего набор жалоб: «милости мне ни от ково нет, везде моя вина поспешила, ... выше лба уши не растут»; «только, государи, мне на словах воля, а воли ни в чем нет, не корыстуюся я монастырским ничим, да и впредь не буду и на руках у меня опрочи хлопот и волокиды нечево нет да чево просить и ссоритца меж собою (с старцем. — П. С.) не хочетца»; «мое дело знать приказная полата да лучитца боярской двор о чем побить челом — то мое дело. Да и хожу на всяк день в простой и в праздник, потому: опрочи приказу никаких дел у меня нет».¹⁰

Угодять приказным и ссориться с ними, сносить гнев воеводы, сидеть в тюрьме и стоять на правеже — такова была тяжелая служба стряпчего. В 1668 г. за неуплату денег иверских старца и стряпчего посадили в приказе «за караул». Через несколько дней воевода выпустил старца, а стряпчего В. Самсонова «пока не заплатим велел держать, потому что я привычен сидеть», — писал стряпчий.¹¹

Понятно, что для такой службы нужны были особые люди, изворотливые, способные провести приказных и добиться нужного для монастыря дела. Далеко не все монастырские стряпчие отличались христианскими добродетелями, а некоторые пили запоем. Особенно отличался пьянством В. Самсонов. В ответ на обвинения из монастыря в «пировой немощи», что он ходит «болше за брагою, а не за монастырскими делами», В. Самсонов, не отрицая самого факта пьянства, доказывал тем не менее свое усердие в делах. Однако и это была неправда. В 1674 г. старец Феодосий так писал о В. Самсонове: с ним «неведомо что делать, уже и в чепь и в подклет сажал, да не уймаца, неведомо спорчен, неведомо что, а унять немочно от хмелю и сам не рад своею житию, а жена еще пущи»; «стряпчий ныне за делами монастырскими не ходит и, лежа, пьет, и всю Страстную неделю пьет, дома пролежал». Наконец в 1675 г. иверский старец бил челом новгородскому владыке, чтоб посадить В. Самсонова на смирение в Антониев монастырь, «чтоб ево к судимому месяцу вытрезветь». Только так его удалось привести в чувство: «ныне сказывают выхмеливаетца и бьет челом на свободу».¹² Примечательно, что среди отписок с иверского новгородского подворья в монастырь самые яркие описания приказных нравов принадлежат неугомонному В. Самсонову, который живо и многословно описывал пороки приказных, прикрывая тем самым свои неуспехи в делах.

Стряпчие жили на монастырском подворье с семьей, и подчас не только они сами, но и их дети также не отличались благочестием. В 1680 г., едва стряпчий А. Шалашник уехал на Святки в монас-

⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 329. Л. 37; № 697. Л. 6; № 2803. Л. 93. В 1677 г. иверский старец Аркадий так образно выразил просьбу отпустить его с новгородского подворья: «Понеже и мед кто чрез потребу вкушает, тако и мне сия служба от преизлишества жития горка стала, потому что уже третьей год» (Там же. № 2624. Л. 5).

¹⁰ Там же. № 1813. Л. 225.

¹¹ Там же. № 1303. Л. 1 об., 9.

¹² Там же. № 2307. Л. 75, 76; № 2421. Л. 49, 52.

тырь, как его дети учинили на подворье пьяный скандал, гонялись за старцем с ножом и саблей и, по словам иверского монаха, у них «девки и жонки на дворе пе(сни) поют»; «и играют оне игриса до самые заутр(ени)», «и нам от добрых людей огласка».¹³

Посланные на новгородское подворье старцы также, случалось, вызывали неудовольствие монастырских властей, в первую очередь тем, что не ходили по делам вместе со стряпчими. Это имело важное значение. В 1682 г. об этом прямо писали из монастыря старцу Афиногену в Новгород: следует «для монастырских нужных дел к боярину и к дьяком на дворы волочитца, а с монастырских делах общерадеть, нежели на стряпчего одного указывать, потому что стряпчему перед боярином и перед дьяки, сняв шапка, не наговоритца, а твое дело отменитое», т. е. начальные люди, уважая иноческий чин старца, будут более внимательны к монастырским нуждам.¹⁴

Важнейшим вопросом при анализе отчетной документации монастырских стряпчих и старцев (отписок и прихода-расходных книг) является добросовестность их составителей: не писали ли они завышенные траты в приказах, присваивая себе разницу? В целом следует отрицательно ответить на этот вопрос. Монастырские власти знали, кому поручить казенные деньги. К тому же стряпчий, как правило, работал под присмотром присланного из монастыря старца, а свои расходные записи они систематически представляли в монастырь для проверки.

Из монастыря тщательно следили за точностью сведений о расходах в Новгороде. В 1679 г. монастырские власти писали в Новгород с выговором: просите прислать для платежа 476 руб., а на самом деле с монастыря спрашивают только 446 руб. Впрочем, в данном случае монастырские власти пеняли больше на невнимательность, а не на воровство: «Сумнительно, где живете и за чем ходите, а подлинника не проведаете и пишете своими затейками». В том же году монастырские власти уличили иверского стряпчего С. Григорьева в прямом подлоге — он сообщил в монастырь неверный размер приемной меры стрелецкого хлеба: «А знатно, что плурует стряпчий для своей бездельной корысти, хотя тем себе корысть учинить».¹⁵ В 1685 г. новгородский строитель Арсений оправдывался перед монастырем в том, будто «денег съедаю и ворую и себе корыстуюся по двесте рублев».¹⁶

Все же и среди доверенных лиц монастыря случались факты воровства. В 1673 г. из сундука новгородского подьячего И. Козырева, хранившего на иверском подворье свое имущество, пропало ценностей более чем на 1000 руб. Вскоре с поличным был пойман вор — им оказался иверский стряпчий П. Марков. Иверский старец писал об этом в монастырь, что он «в великом недоумении стал и в боязни, что такое страшное дело учинилось — кому поверено в монастырских во всяких делах и в казне..., а ныне тот учинился и в чюжих воровствах пойман, а в монастырском, которое ему поверено, как ему будет не воровать».¹⁷

¹³ Там же. № 2889. Л. 3—3 об.

¹⁴ Там же. № 3089. Л. 45.

¹⁵ Там же. № 2806. Л. 74, 124.

¹⁶ Там же. № 3454. Л. 89—90.

¹⁷ Там же. № 2181. Л. 152—154.

В целом, монастырские стряпчие были глубокими знатоками приказных порядков и их описания приказных нравов являются ценнейшим источником. Вместе с тем при анализе этих документов следует иметь в виду их своеобразную тенденциозность. Подобные описания приказных нравов в отписках монастырских стряпчих не были самоцелью. Стряпчие описывали и без того хорошо известные современникам злоупотребления чиновников — волокиту, издоимство, пьянство — главным образом с целью оправдаться в том, почему дело в приказе замедлилось или было решено не в пользу монастыря. Самые яркие описания приказных нравов управления Новгорода принадлежали перу иверского стряпчего Самсонова — беспробудного пьяницы. Так он пытался объяснить монастырским властям, что неудачи в делах связаны не с его пьянством, а с злоупотреблениями приказных.

Так же как и в московских приказах XVII в., подношения приказным по существу делились на три основных категории. «Почесть» по преимуществу охватывала подношения, восходившие к наместническому кормлению XV—XVI вв. Плата за конкретную работу по оформлению бумаг была новым по сравнению с наместническим управлением видом подношения. С точки зрения закона XVII в. эти категории подношений были разрешены. Третья категория подношений — «посул» — была связана с нарушением закона и потому официально преследовалась.

Некоторые из этих подношений находим уже в XV—XVI вв. Уставных наместничьих грамот по Новгороду XV—XVI вв. не сохранилось, что затрудняет сравнение подношений приказным в Новгороде XVII в. с предшествующим временем. Этот пробел в источниках можно частично восполнить по косвенным данным. В договорной грамоте польского короля Казимира IV с Новгородом 1470—1471 гг. было предусмотрено, что королевскому наместнику «оприч пересуда посула не взяти», т. е. фактически признавалось бытование как законной платы за вершение суда, так и незаконного посула. Договор фиксировал взимание с новгородских волостей в пользу наместника «петровщины» — подношение на Петров день в размере 1 руб. В договорах Ивана III с Новгородом 1471 г. также находим запрещение «посула» и норму «судей слати по волостем на Петров день, как пошло», объясняющую «петровщину» как подношение, связанное с осуществлением суда на Петров день.¹⁸

В XV—XVI вв. московские государи выдавали новгородским монастырям жалованные грамоты, которые содержали освобождение от ряда повинностей в пользу своих наместников и новгородского владыки: не платить «ни Рождественное, ни Петровское»; «на пиры и на братчины незванным не ездити», «коней у них кормити... не ставить».¹⁹

Рассмотрим теперь подношения XVII в. Подношения воеводе и дьякам начинались еще до их приезда в город. Иверский монастырь стоял как раз на пути из Москвы в Новгород, и новые воеводы и дьяки по специальному приглашению монастырских властей заезжа-

¹⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 91. С. 67; № 92. С. 71; ГВНП. М.: Л., 1949. С. 130, 131.

¹⁹ ДАИ. Т. 1. № 46. С. 64; № 48. С. 68; № 114. С. 161.

ли в обитель помолиться. Так, 17 февраля 1678 г. воевода боярин кн. Ю. М. Одоевский по пути в Новгород посетил монастырь «и хлеба кушал»; власти поднесли ему и сопровождавшему его дьяку Я. Исакову по образу на окладе и просили воеводу быть милостивым, «и он рекся». «В дорогу» воеводе и дьяку дали хлеба и рыбы «довольно». Этот запас повезли в Новгород на монастырских подводах.²⁰

В этом традиционном порядке встречи воеводы и дьяка случались и сбои, сведения о которых помогают глубже понять, какие отношения стояли за этим обычаем. В 1676 г. через Иверский монастырь проехали воевода стольник кн. Н. С. Урусов и дьяк И. Т. Дмитриев. По приезде в Новгород дьяк устроил монастырскому стряпчему С. Григорьеву скандал: «Ваши де власти меня обесчестили — как де я ехал ныне с Москвы в Новгород и они де мне и иконы не поднесли; и то де повелось и преж сего иконы нашей братии подносили и ныне де у них были иконы изготовлены, да не ведомо коим вымыслом не поднесли; все де то государское, а не их. И княгиня (Урсова. — П. С.) де о том на них кручинитце, что ей иконы не поднесли. Есть де у меня, государскою милостию, икон со сто да дорога честь». Любопытно, что полагавшуюся ему икону дьяк расценивал как своего рода часть государева жалования.

«И то де у властей ваших какой вымысел, — продолжал распекать представителя монастыря дьяк, — что такова превеликого господина звать в монастырь прислали старца робенка, бутто что насмех, мочно де было и самим выехать совсем, что ведетца». Дьяка возмутило и то, что когда его струг остановился «за волною» у стен монастыря, к нему приехали не сразу, а «на другой день на стан и привезли мне хлеба, да не упомню колки счетом вялой рыбы и я де о том каюсь, что принял».

Разошедшийся дьяк стал «поносить всячески» монастырского стряпчего: «Знатно де, что у них в монастыре живут собрався тот да тот». Монастырский стряпчий, как мог, «стоячи учал бить челом: Иван Трофимович, положи, государь, на милость и на простоту, не с мудрости такое дело учинилось, что тебе, государю, иконы не поднесли». «И он мне сказал: добро де как выговорено, так на животе лекче, знатно де что вменяют ту икону, что поднесли, как я» проезжал ранее.

Рассуждения о том, что дьяку дорога не сама икона, а честь, не обманули монастырского стряпчего. Описание этой сцены он завершил словами: «дьяк человек рьян и скорос, толки поклоны niskи, а знатно, что ко взятку лаком крепко».

На следующий день иверский стряпчий хлопотал о своем деле перед воеводой Н. С. Урусовым. Воевода сразу же решил дело в пользу монастыря «и тут же в думной» попросил сделать ему «два стола». «А дьяк, тут же сидя» вновь завел о том, что ему «никакой почести не учинили, чайт де и тебе князь Никита Семенович и иконы не поднесли. И столник сказал: нет, де ко мне приезжали на стан сами и честь мне воздали и икону поднесли, а ты де не со мною стоял. И он тут еще ввернул: а княгине де не поднесли ль? И стольник сказал: хотя де и не поднесли княгине, а мне поднесли».

²⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2726. Л. 9 об.

Конец этой истории обнаруживает самое главное. С. Григорьев рассказывал: «мало изгодя, вышед из думной, подъячей Семен Герасимов кликнул меня: стряпчей иверской, спрашивал тебя стольник, не отходи, пока он из приказы не выедет. И как, государи, поехал стольник ис приказы, и я ево проводил до двора и за ним в Крестовую. И он, вышед в комнату, мало изгодя, позвал меня к себе» и попросил найти потерянную по дороге в Новгород его лошадь, прислать к нему из монастыря «человека, хтоб мне поставил мед вареной и моево человека научил, да хтоб приказали зделать два стола» и указал их точные размеры, «да скамью с решеткою».

Вечером стольник специально позвал стряпчего к себе на двор и «ис своих рук вином жаловал и дьяк лучился тут же». Утром следующего дня уже дьяк позвал к себе на двор иверского стряпчего и попросил сделать для себя стол и две «скамьи отметных, хотя и без решеток, потому что ваши столы хороши легонки». По секрету дьяк сообщил, что княгиня действительно «кручинилась», что ей не поднесли отдельно икону и говорила мужу: «На что де было и та икона имать».²¹

Итак, это уникальное по своим подробностям описание подлинных речей и действий, сопровождавших въезд начальных людей на воеводство в Новгород, раскрывает широкий спектр возникавших в этой связи отношений. Воевода, дьяк и даже сопровождавшие их близкие ревниво следили за подносимой при въезде «почестью», поскольку она не только символизировала исключительно важное для средневекового общества почтение, но и раскрывала готовность подвластного населения «кормить» и угождать новому начальству.

Примечательно, что получать подношения при въезде на воеводство было не только не стыдно, а даже, наоборот, этим гордились. Так, воевода стольник кн. М. А. Черкасский, приехав в Новгород, «при многих людех хвалился», что в Иверском монастыре «ево поили и кормили и в дорогу ссужали запасом».²²

При въезде в Новгород воеводу ожидали подношения от других монастырей и вообще от всего города. Иверский монастырь и здесь принимал участие в общих подношениях. В 1685 г. иверский стряпчий просил прислать новому воеводе боярину кн. М. Я. Черкасскому, как и его предшественникам, 50 четвертей «молодой муки», «хтоб на приезде новым воеводам не в стыд было почесть учинить». Как видим, подносить «почесть» при въезде было вовсе не стыдно, а, наоборот, — стыдно было не поднести.

Однако на этот раз власти посчитали возможным ограничить подношение. Иверский стряпчий получил указание из монастыря почтить кн. М. Я. Черкасского так же, как это сделает Юрьев монастырь, поскольку «тот Юрьев монастырь старинной и степенью гораздо выше нашего и нам перед теми старинными монастыри излише выхвалятца нечево. А сверх того, наш монастырь стоит при

²¹ Там же. № 2517. Л. 34—38. Жалобы дьяка И. Т. Дмитриева не были исключением. В 1675 г. иверские власти не узнали вовремя, что мимо монастыря проехал в Новгород новый дьяк И. Олухов. Получив об этом известие, они послали за ним вдогонку приглашение посетить монастырь, но дьяк, видимо, обиделся и не вернулся. По приезде в Новгород он жаловался монастырскому стряпчему, что «его ничим не почтили, как он ехал в Великий Новгород» (Там же. № 2421. Л. 39—41).

²² Там же. № 2421. Л. 22 об.

пути, и как те начальные люди ходят в Новгород и из Новгорода к Москве и у нас им втрое того поднесу в почестях исходит». Так что на этот раз воеводе следовало поднести при въезде только 5 четвертей пшеничной и 10 четвертей ржаной муки на сумму 12 руб., а также 20 четвертей овса и сена.

Для встречи боярина стряпчий изготовил 15 четвертей муки, 8 четвертей овса (недостающее количество овса он заменил 40 пудами соли), 10 возов сена. Не следует думать, что все это обилие было сразу же доставлено боярину при въезде. Ему «подвезли» лишь «хлеб печеной и пироги и рыбы» «и памятку, написав ему боярину в запасах подавали». Таким образом, Иверский монастырь, так же как и другие потенциальные челобитчики, встречали нового воеводу с малой «почестью», и подавали специальные «памятки» с обязательством доставить более громоздкие запасы позднее.

При въезде в Новгород М. Я. Черкасский повел себя не так, как другие воеводы: «Только приняв хлеб да пирог, а в запасах и пометки не принял, а сказал: много де ваших властей и опроче сего ко мне жалованья, також де, государи, и у всех монастырей у властей никаких хлебных запасов, потом же и сена ни у ково не принял. А дьяку, государи, Лву Ермолаеву в почесть хлебных запасов и сена подвозили, и он пожаловал принял, не откликнул, також де вашею милостию и жалованьем хвалился».²³

Это нетипичное поведение М. Я. Черкасского можно объяснить его исключительным богатством — он был самым крупным землевладельцем страны — и поэтому мог себе позволить, в отличие от других воевод, роскошь пренебречь въездной почестью. Демонстративный жест М. Я. Черкасского, видимо, должен был показать монастырям и другим потенциальным челобитчикам решимость нового воеводы управлять, не оглядываясь на подношения.

К традиционным видам подношений относилась так называемая «новья» — пшеничная мука нового урожая. «Новцу» подносили обычно в сентябре. Так, в 1672 г. Иверский монастырь ударил челом «новью на колач» боярину двумя четвертями пшеничной муки, дьяку — одной четвертью. На покупку такой «доброй» муки из монастыря было прислано 20 руб. В 1678 г. на покупку «нови пшанишные муки и меду боярину и дьяком» изошло 29 руб. 35 коп.²⁴

Другой формой почести было праздничное кормление: на Рождество, Пасху, Петров день. Кроме этих трех главных праздников, существовали и другие ежегодные подношения «почести», приуроченные к Николину дню, Великому посту и Масленице. Праздничная «почесть» сохраняла основные элементы наместничьего кормления и выдавалась «по старине». Так, в 1683 г. власти Иверского монастыря предписывали в Новгороде «не гораздо... сорить» деньгами, «боярину и дьяком и приказным людем почесть праздничное чинить, как было при прежних строителях..., а вновь не вчинать».²⁵

По первому зимнему пути (в ноябре—первых числах декабря) Иверский монастырь доставлял в Новгород рыбу митрополиту, воеводе, дьякам и другим приказным людям. Эта рыба поспевала в

²³ Там же. № 3454. Л. 3, 7, 13, 14. 34—35.

²⁴ Там же. № 1813. Л. 111 об.; № 2726. Л. 34; № 2658. Л. 4.

²⁵ Там же. № 3228. Л. 116.

Новгород накануне Николина дня — 6 декабря. Так, в 1671 г. иверские власти отправили накануне Николина дня «на роздачу» в Новгород 12 тыс. свежих сельдей, в 1676 г. — 9900 «первого лову свежих сельдей», в 1678 г. — 8000 и воз сушеных снетков, в 1683 г. — 8000, в 1687 г. — 4000, в 1688 г. — 4300. Из них митрополиту в зависимости от общего количества подносили 1—3 тыс., воеводе 1—2 тыс., дьякам по 500—1000, самым нужным подьячим, у которых были монастырские дела, — по нескольку сотен сельдей.²⁶

Несмотря на отрывочность данных о количестве раздаваемой перед Николиным днем рыбы, можно проследить общую тенденцию к ее уменьшению. Это уменьшение чувствовали и приказные люди. В начале декабря 1688 г. иверский стряпчий сообщил в монастырь: «Иные говорили приказные: скуденно подносите, не против старого, а иным, государи, приказным и надобным людям много не достало и присылают на подворье... сельдей прошают, а давать стало мне нечево». Эту же обеспокоенность неполучением традиционной почести приказные выражали и в ноябре 1689 г.: «О сельдях свежих боярин и дьяки и приказные люди споминают почасту, что де прежего по первому зимнему пути бывало присылают из монастыря свежие сельди».²⁷

Хотя праздничное кормление давали по традиции, иверский стряпчий каждый раз запрашивал монастырь о том, какую почесть следует учинить на этот раз. К Рождеству 1667 г. стряпчий, напоминая об этом, заметил, что «к боярину и к дьяку приносят с монастырей празнишное по обители смотря, у ково что лучится».²⁸

Особенность положения Иверского монастыря состояла в том, что он был новым, но и одним из самых богатых. Как сообщали с новгородского подворья в Иверский монастырь, «все стало не по старому — наш монастырь вознесен богатее всех новгородских монастырей».²⁹

Поэтому праздничное кормление от Иверского монастыря в Новгороде складывалось не сразу и уточнялось по мере его обогащения и роста влияния. В 1670 г. перед иверскими властями была положена докладная выписка с новгородского подворья о размере праздничного кормления: «Новгородских и уездных всех монастырей околничему и дьяком в году на три праздника: на Рождество Христово, на Велик день, на Петров день Юрьевского, Хутынского, Антоновского, Вяжицкого, Тифинского монастырей привозят по быку на праздник околничему, а дьяку по борану, а с Иверского монастыря хотят имат и болши. И о том годовом праздничном начальники говорят сами. И в прошлых годех в те праздники давано почести по борану, и оне говорят мало»; «да софейского дому дворецкому и дьяком и приказным людям с новгородских монастырей идет указанной хлеб, и о том мне говорят безпрестанно, что потому ж и вы изволили дать; и о том, что укажете». Монастырские власти указали по этому докладу чинить почесть приказным против Тихвинского монастыря, а о почести владычным приказным доложить митропо-

²⁶ Там же. № 1813. Л. 190; № 2517. Л. 63; № 2726. Л. 61; № 3228. Л. 328; № 3454. Л. 216; № 3733. Л. 190.

²⁷ Там же. № 3733. Л. 200; № 3816. Л. 139 об.

²⁸ Там же. № 1170. Л. 140.

²⁹ Там же. № 2726. Л. 46.

литу, «что он о том укажет — давать ли или нет и почему кому давать».³⁰

Как приказные, так и потенциальные челобитчики одинаково осознавали неизбежный характер праздничного кормления. Едва прошло Рождество 1669 г., как иверский стряпчий сообщал в монастырь: «А приказные подьячие и митрополю певчие мне докучают о жалованье — от ыных монастырей бывает им рождественской доход и почесть, а я без вашего указу и докладные росписи им давать не смею».³¹ В преддверии Рождества 1683 г. новгородский стряпчий писал в Иверский монастырь: «праздничного» «боярину и дьяком, и дворцовому воеводу и владычным приказным купить стало не на что», «только, государи, что (из) города бежать, да хотя и бежать, да не избежать: от окладного дела нигде не уйдешь».³²

Вместе с тем, в отличие от наместнического кормления XV—XVI вв., «праздничное» XVII в. хотя и подносилось по обычаю едва ли не каждый год, все же не было столь обязательным, как прежде. В конце марта 1686 г. иверские власти писали на новгородское подворье: «А что приказные спрашивают у вас праздничного рождественного, и тот праздник давно прошел, а вас в Новгороде в то время не было, и то дело не записное, мочно минуть».³³ Как видим, праздничный корм могли назвать как «окладным делом», так и, наоборот, «незаписным». В одном случае стряпчий настаивал на присылке праздничного из монастыря и подчеркивал его обязательность; в другом — монастырские власти не считали нужным присылать подношение к прошедшему празднику и подчеркивали его необязательность. Эта неоднозначность, ситуационность традиционных праздничных кормов отражает переходный характер обеспечения приказных от сугубо средневековых принципов содержания к принципам Нового времени.

К Рождеству Иверский монастырь ежегодно посылал также на раздачу в Новгород свежие сельди: в 1658 г. — 10 тыс., в 1679 г. и 1686 г. — по 5 тыс.³⁴ Этих данных явно недостаточно для того, чтобы делать вывод об уменьшении на протяжении XVII в. количества раздаваемой к Рождеству рыбы. Можно лишь отметить, что они не противоречат тенденции уменьшения рыбной «почести» к Николину дню, отмеченного во второй половине XVII в. на материалах того же Иверского монастыря.

Приказные не оставляли без внимания такое уменьшение традиционного корма и открыто отстаивали свои права. В 1667 г. дьяк не получил полагавшейся ему к Рождеству рыбы от Иверского монастыря и «говорил» монастырскому стряпчему «у приказа перед всяких чинов людьми: для чево де власти меня забыли, рыбки не прислали, или де ты заедешь?». В связи с этим дьяк отказался подписать нужную монастырю память. Стряпчему пришлось купить ему рыбы на полтину и объяснить, что произошло недоразумение. Только тогда дьяк «на милость положил и память подписал, а велел» в монастырь «написать, чтоб ево впредь непризрили, благословением своим

³⁰ Там же. № 1588. Л. 3, 12.

³¹ Там же. № 1588. Л. 1.

³² Там же. № 3228. Л. 282—282 об.

³³ Там же. № 3532. Л. 10.

³⁴ Там же. № 329. Л. 80; № 2726. Л. 102; № 3614. Л. 23.

навешали; хотя бы де дьяков и трое было, — заявил обиженный приказной, — и то б де я не последней был».³⁵ Этот диалог дьяка со стряпчим примечателен, во-первых, тем, что дьяк готов объяснять челобитчику, почему его надо почитать подношением. В этом смысле перед нами небюрократические, традиционные отношения. Вместе с тем сохранение таких обычных, хотя и не строго обязательных, подношений достигалось приказными через челобитчиковы дела. Это обстоятельство принципиально отличало праздничные подношения XVII в. от более раннего времени.

В 50—60-е годы XVII в. Иверский монастырь подносил к Рождеству также боярину говяжью полсть.³⁶ Но в 80-е годы размер подношения мясом существенно вырос: в 1682 г. боярину подвели на Рождество быка, а дьякам митрополита и приказным «и людем их» поднесли мяса — всего на 13 руб.³⁷ На Рождество 1685 г. Иверский монастырь раздал: воеводе быка за 3 руб., людем воеводы мяса на 70 коп., дьяку боров на 80 коп., его людем мяса на 15 коп., владычному дворецкому, 4 митрополичьим дьякам и их людем мяса на 4 руб., дворцовому воеводе и его людем — на 90 коп., писцу и подьячим, описывавшим в тот момент Новгород, — на 1 руб. 50 коп. Всего «рождественский корм» обошелся «опроче владычных подьячих» в 10 руб. 85 коп. Кроме того, 1 рубль был потрачен на «славляное» софийскому протопопу «с собораны».³⁸

На Великий пост иверские власти посылали новгородским приказным на раздачу 30 братских ситных хлебов, капусту и квас.³⁹ Описывая такую раздачу хлебов в 1669 г., иверский стряпчий заметил, что приказные «о капусты вспомнили и им, государи, и капусты по ведру снести, потому что здесь, государи, повелось со всех монастырей идет по хлебу да кочну капусты».⁴⁰

Живые детали поднесения таких братских хлебов находим в отписке иверского старца, специально посланного для этого в Новгород в 1674 г.: 7 марта в первую субботу Великого поста «больших монастырей с хлебами у боярина были и мы после к боярину и к жене ево хлебы и капусту и квас подносили» «и после подали государеву грамоту и принял сын, а нам велел подождать, потому что в то время (боярин. — П. С.) кушал».⁴¹ Данный эпизод раскрывает неформальный характер традиционных подношений. Они имели место на дому начальных людей, были адресованы в том числе и членам их семей, здесь же через их родственников челобитчики пытались решать свои дела.

На Масленице митрополиту, воеводе и приказным присылали рыбу. Кроме Николаина дня и Рождества, это была третья в году фиксированная раздача значительного количества рыбы приказным. В марте 1659 г. иверские власти отправили на раздачу владыке и

³⁵ Там же. № 1170. Л. 140.

³⁶ Там же. Л. 143.

³⁷ Там же. № 3228. Л. 108.

³⁸ Там же. № 3454. Л. 222.

³⁹ Там же. № 2726. Л. 7; № 2806. Л. 41—41 об.; № 3228. Л. 30, 35—36, 63, 307; № 3454. Л. 43, 44, 49.

⁴⁰ Там же. № 1440. Л. 12.

⁴¹ Там же. № 2307. Л. 60.

новгородским приказным 3100 свежих сельдей, в марте 1671 г. — 2000, в 1685 г. — 4000, в 1688 г. — 7000.⁴²

На Пасху был самый большой корм. В 1673 г. иверский стряпчий скопировал роспись «почему Юрьева монастыря и иных больших новгородских великоденское приносят: владыке — сыр, сметаны горшок, 100 яиц; боярину — бык, 100 яиц, сыр; дьяком по борану, по сыру, по 100 яиц» и т. д. Применительно к ситуации 1673 г. иверский стряпчий добавил в росписи: «А ныне 4 сына у боярина, о том как изволите».⁴³

Сведения о традиционной почести, воздаваемой приказным по обычаю, обнаруживают двойственную природу этих подношений. С одной стороны, существовали четкие образцы, которым следовали потенциальные челобитчики в зависимости от собственного статуса, а с другой — эти же образцы не носили характера жесткой нормы. В том же 1673 г. иверский стряпчий сообщал в монастырь: «по росписи» начальным людям «великоденским, что будет мочно сыскать, буду бить челом поднесу, а чево не сыщется, и так пройдет».⁴⁴

Традиционная почесть была в том числе и средством решить у начальных людей нужные дела. В 1674 г. боярину и дьякам иверский старец повез золоченые яйца: боярину — 15, а дьякам — три и два яйца; «и боярин гораздо утешился» и спросил у старца: «Что де ты, отче диакон, едишь, уж де то гораздо нужное дело есть. И я сказал: есть, государь, дело, да по времени будем бить челом; и он сказал: добро де теперь праздничное время». Лишь в пятницу на Светлой неделе иверский дьякон подал свою челобитную.⁴⁵

Связь традиционной почести с решением дел наиболее полно раскрывает эпизод с поднесением великоденского 1670 г. Иверский монах сообщал из Новгорода в монастырь, что глава дворцового приказа говорил ему: «Как де от вашего монастыря ко Христову дни против иных монастырей праздничного живых говяд и баранов не было. Здесь де от первых монастырей быки и от последнего монастыря бораны были, а ваш де монастырь с первыми ровен». «И о том де праздничном годовом, как съехався они начальники вместе, подивовались, что от последнего монастыря есть прасничное, а от Иверского нет». Иверский стряпчий так пояснил сложившуюся неловкую ситуацию: «Быков и баранов против иных монастырей праздничного ко Христову дни водить не смел, толки носил почести мяса да по куличю два яйца, а ко владыке государю — кулич да две скляницы питья», поскольку получил приказ из монастыря «праздничное подносить против Тихина монастыря, а Тифина, государи, монастыря старца или стряпчево и годом в городе не видать, потому что дел у них нет и вотчины» далеко. «А у нас безпрестанные многие дела и без почести отнять быть не уметь». Иверские власти повелели отныне чинить праздничные подношения против Юрьева, Хутынского и других монастырей, «где архимариты», и возместить приказным все, что было им недодано на Пасху 1670 г.⁴⁶

⁴² Там же. № 424. Л. 29; № 1813. Л. 43; № 3454. Л. 28, 29; № 3733. Л. 7.

⁴³ Там же. № 2181. Л. 22, 24.

⁴⁴ Там же. Л. 40.

⁴⁵ Там же. № 2307. Л. 74.

⁴⁶ Там же. № 1588. Л. 79, 86.

Таким образом, традиционная почеть, восходившая корнями к наместническому кормлению XVI в., сохранялась и в XVII в., но в новых условиях приобретала иное содержание: она была тесно увязана с решением дел челобитчиков, и ее размер зависел от количества дел, представленных на рассмотрение приказных. Эта связь традиционного кормления с делопроизводством была новой чертой материального обеспечения чиновников XVII в. — переходного периода от средневекового управления к бюрократии Нового времени.

Великоденский корм сохранялся в прежнем объеме до конца XVII в. В 1685 г. на великоденский корм иверские власти послали в Новгород 50 руб., оговаривая, что больше никак собрать не сумели.⁴⁷ В 1686 г. на покупку «праздничного великоденского» иверские власти послали в Новгород 15 руб. с приказом «купя в поднос, что доведетца против новгородских Хутынского и Антоньева монастырей в почеть праздничного великоденского боярину и дворцовому воеводе и дьяком и подьячим и владычным приказным людям поднести, а больше древних новгородских Хутынского и Антоновского монастырей лишнего не подносить».

Сохранилась подробная роспись этого «великоденского» подношения 1686 г. «против» древних новгородских монастырей. Поначалу, «наканони праздника», было «подвезено»: боярину — «вместо быка живово — стяг говядины» на 1 руб. 30 коп. и «туша свиная» на 1 руб. 30 коп., боярскому дворецкому «вместо говядины» — 50 коп., боярским казначею и держальнику, «которые к нему боярину о всяких делах докладывают» — также по 50 коп., винному боярскому казначею и двум другим держальникам — по 25 коп. Затем, «на святой недели во вторник», иверские монахи ударили челом куличами: боярину в 10 коп., а его шести людям — в 8 коп. каждому. Дьяку приказной палаты и дворцовому воеводе достался каждому «вместо говядины — боров» в 80 коп. и кулич в 9 коп. и т. д. — всего, включая 1000 розданных яиц, на 14 руб. 10 коп.⁴⁸

На Петров день также полагались значительные подношения мяса. Как и другие праздничные кормления, «петровщина» XVII в. была тесно связана с решением дел челобитчика. В 1670 г. иверские монахи ударили челом воеводе И. П. Пронскому «петровщиной, подвели быка да яиц двесте». Боярин тут же «говорил дьяку... надобно святое место от... плутовства» истца «оборонить»,⁴⁹ т. е. решил дело в пользу монастыря именно в связи с получением «петровщины».

К Петрову дню 1687 г. иверские власти распорядились в Новгороде «праздничное подносить, хотя и полегчи прежняго». Во исполнение этого распоряжения иверские монахи заняли в Новгороде «на праздничное боярину и дьяком» 15 руб. и, отчитываясь перед монастырскими властями, заметили: «А без дачи боярину и дьяку и подьячему не пробудешь».⁵⁰ Как и в других случаях, следует различать высказывания о праздничных подношениях, сделанных в монастыре и на новгородском подворье. Монастырские власти стремились

⁴⁷ Там же. № 3228. Л. 312.

⁴⁸ Там же. № 3532. Л. 10, 36—38 об.

⁴⁹ Там же. № 1813. Л. 90.

⁵⁰ Там же. № 3733. Л. 50, 57—58.

экономить, и в их отписках встречаем указания на уменьшение «праздничного». На новгородском подворье, напротив, заботились о более полном удовлетворении запросов приказных, ведь без почести хождение по делам становилось куда как тяжелей.

Кроме праздничных подношений, приказным шел и другой ежегодный корм. Иверский монастырь имел соляные варницы и каждый год раздавал приказным соль. В 1679 г. в Новгороде не знали, сколько давать приказным соли, поскольку прежний стряпчий увез с собой в монастырь расходные книги. Характерен ответ из монастыря по этому поводу: «То дело не окладное, что кому в год даетца по рассмотрению, смотря у кого монастырские и какие дела». ⁵¹ Ежегодная «почесть» солью давалась по традиции, но всякий раз такая почесть оказывалась связанной с решением дел челобитчика.

Как и большинство подношений «в почесть», ежегодная раздача соли была увязана с решением дел челобитчиков. В октябре 1688 г. стряпчий писал в Иверский монастырь: «Владычни дьяки без стыда капусты солить соли прошают: прежде де сего нам давали, а ныне де ты нас стряпчей и забываешь. А как де мы станем забывать, станешь де нам и не по малому давать». ⁵²

В июле 1683 г. с новгородского подворья запрашивали Иверский монастырь: «Да ныне, государи, пришло время, что дают приставам приказные полаты и дворцового приказу и митрополю соли по пуду годового»; «а у митрополных приставов, государи, ныне владычня челобитная подписная, что указано выдать из монастырской казны соли против прежнего». Как видим, почесть владычным приставам солью выдавалась с разрешения и под контролем митрополита. В ответ на запрос из Новгорода монастырские власти повелели выдать соль «против прежних годов, а вновь ничего в той дачи не вчинать». ⁵³

В июле 1688 г. иверский стряпчий запрашивал монастырские власти «о дачи приказные полаты и дворцового приказу владычных приказов, давать ли приставам соли или нет против прежних годов, а о мне о соли докучают. А владычным, государи, приставам и неделшиком за неволю будешь давать, потому что владыки государю станут бить челом против прежних годов, потому что дачи им, опроче соли, из монастыря нет, а иных монастырей дачи — хлебами». ⁵⁴

О ежегодной норме раздачи соли в Новгороде иверский стряпчий сообщил в июле 1689 г. следующее: «В годовую дачю трех приказов приставам и всяких чинов приказным людям, которым прежи сего давалось, а на всяк год им выходило небезомногу, пудов по сту, а ныне дачи соли прошел срок». ⁵⁵

Реальное значение «почести» более отчетливо проступает при сопоставлении писем из Иверского монастыря и ответных отписок с новгородского подворья. Обе стороны, исходя из собственных интересов, подчеркивали более выгодную им сторону «почести».

Со слов иверского стряпчего В. Самсонова, вообще никакого монастырского дела приказным «без почести делать не хочетцы». ⁵⁶

⁵¹ Там же. № 2806. Л. 5.

⁵² Там же. № 3733. Л. 135.

⁵³ Там же. № 3228. Л. 212 об., 221.

⁵⁴ Там же. № 3733. Л. 66.

⁵⁵ Там же. № 3816. Л. 108.

⁵⁶ Там же. № 1089. Л. 13.

«Судит вам Бог, — писал он в монастырь, — за рубль сто рублей пропадает»: приказным «подискания никому от вас нет, и оне ведают чим наводить», им необходимо прислать «рыбки какой мочно... да сметочки к Масленицы боярину и дьяком и подьячим, хотя помалу, потому: добро зла переможет». В. Самсонов просил «о прибошной соли дьяком и подьячим, хотя справчим, на роздачу». По мнению стряпчего, это «обычной убыток святому месту»; приказным «дорого ваше поискание, а по подьячими наша братья всякие дела от начальника проведывает, что говорит; ... а почесть к ним, нежели новгородские монастыре, привозят из Соловков и с Тихвины возят, так повелось».

В. Самсонов настойчиво домогался увеличения «почести» приказным. Так, он настаивал, в частности, чтобы соль давали не только воеводе и двум дьякам, но и «иным приказным людям: дворцкому и судьи и розрядной избы и дворцового приказу справчим подьячим», а если им «за их труды посолонки не будет, а оне про то проведают, что начальником, хотя не по велику, толко ваше благословение есть, и им будет сумнительство, а мне учнут пенять». В. Самсонов предлагал поднести соль всем «нарочитым» приказным, которых он исчислял «человек с тритцать», для чего потребовалось бы около 100 пудов соли.⁵⁷

Иверские власти понимали значение «почести» несколько иначе. В ответ на бесконечные жалобы В. Самсонова на недостаток подношений приказным из монастыря следовали строгие выговоры: «А то ты делаешь негораздо..., никакова начала делу не учинив, и о почестях пишешь, ничево не зделав; добро почесть давать по делу смотря, не все с почести делать, добро, чтоб свой промысл и челобитье з докукою было».⁵⁸ Монастырские власти настаивали, таким образом, на том, что дела, хотя бы частично, могут решаться и без «почести» — «промыслом» и «докукою». На практике едва ли можно было заставить приказных заниматься делом челобитчика без подношения, хотя в принципе они должны были вести дела «без почести», поскольку получали жалование из казны. Этим едва уловимым в источниках, но тем не менее весьма существенным обстоятельством приказные XVII в. отличались от чиновников предшествовавшего времени.

Особой разновидностью традиционного кормления были обеды на монастырском подворье. Обычно обедами, а иногда и ужинами кормили подьячих и лишь изредка дьяков. В отношении воеводы такое кормление было исключением. По нашим данным, только трое новгородских воевод XVII в. пировали на иверском подворье. Боярин П. В. большой Шереметев, отличавшийся особенной ревностью к пирам, сам напросился на такой обед. В 1674 г. он заявил иверскому стряпчему В. Самсонову в приказной палате «в думной при всех людех: при дворянех и при подьячих»: «ныне де ты стряпчей заскупился, рыбую де нас с дьяком не кормишь». Когда же стряпчий стал ссылаться на плохой улов рыбы, боярин спросил: «А нет де у вас того, чтоб де нас позвать к себе на подворье, не избытчили бы де мы вас, а хотя б де побыли да в саду погуляли и тоб де вам честь и слава святому месту». Стряпчий отвечал: «Не про-

⁵⁷ Там же. № 1170. Л. 9, 24.

⁵⁸ Там же. № 1089. Л. 14 об.

гневайся государев боярин в слове, что выговорю, позвать тебя, государя такова великого боярина, да чтоб на гнев не привести, нарядных и заводных у нас питей никаких нет, питаемся квасом простым». В устах беспробудного пьяницы В. Самсонова эти слова звучали простой отговоркой. «И боярин к тому говорил: мочно де архимандриту для того прислать и нарочно брата соборного или б де того же дьякона да сделать про нас хотя в первый стол и мы б де побывали и за прохлад погуляли». Просьба воеводы была уважена.⁵⁹

Весьма склонным к застольям за счет челобитчиков был и боярин кн. В. И. Прозоровский. 27 августа 1695 г. он пировал «с приказными дьяки и с полковники и з дворяны» в Никольском Ляцком монастыре, приписанном к Иверскому. Обед готовили из монастырских запасов специально присланные два боярских повара, гости выпили 16 скляниц заморского вина, не считая «немецких добрых водок». В том же 1695 г. В. И. Прозоровский еще трижды пировал «с товарищи и полковники» на иверском подворье, и каждый раз для него покупали большое количество дорогого заморского питья. В 1696 г. на иверском подворье обедал воевода боярин П. М. Апраксин.⁶⁰

Воеводы и дьяки нередко приглашали видных и состоятельных челобитчиков обедать к себе домой. На Николин день 1668 г. воевода Д. А. Долгоруков «звал обедать» иверского стряпчего, который явился в гости с купленным бораном ценой в 50 коп., а 1 сентября, по случаю Нового года, воевода опять «звал обедать» иверского стряпчего, купившего по этому случаю в подарок пирог и рыбы на 45 коп. Побывав в доме воеводы, стряпчему пришлось раскошелиться и на «праздничное» для воеводского дворецкого и казначея — 20 коп. В том же году иверский стряпчий ходил на обеда к дьяку Д. Шубину с рыбой на 14 коп., к дворянину Дворцового приказа И. Помаске с пирогом и рыбой на 37 коп.⁶¹

На таких обедах случались дополнительные расходы для приглашенных. В 1666 г. тихвинский стряпчий был дома у воеводы боярина кн. В. Г. Ромодановского, и как «княгиня выходила с питьем, дал» 25 коп.⁶² В мае 1697 г. иверский наместник трижды обедал у воеводы П. М. Апраксина и на трех обедах поднес «в почесть» его жене, сыну и дочери 15 золотых.⁶³

Именины родственников приказного, день особо чтимого в его семье святого, новоселье — все было поводом для приглашения челобитчиков на обед и сопровождалось подношением пирога, рыбы или подарка обычно в пределах 1 руб.⁶⁴ Такие подношения не были делом свободного выбора, поскольку не почтить приказного в такой день было себе дороже. В 1669 г., когда дворцовый воевода П. Я. Пятово «перешол в новой двор, на новоселье», иверский стряпчий отнес к нему пирог и мяса на 45 коп. Сделав соответствующую расходную запись, стряпчий тут же пояснил неизбеж-

⁵⁹ Там же. № 2703. Л. 117—118, 129.

⁶⁰ Там же. Оп. 2. № 311. Л. 19—19 об., 25 об.; № 354. Л. 5, 7 об.—8; № 366. Л. 5 об.

⁶¹ Там же. Оп. 2. № 43. Л. 4, 7, 8—8 об., 20 об.

⁶² Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 219. Л. 6 об.

⁶³ Там же. Ф. 181. Оп. 2. № 366. Л. 4 об., 6, 9.

⁶⁴ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 363. Л. 4 об., 5; Ф. 181. Оп. 2. № 67. Л. 18 об., 19, 22.

ность этой траты: «потому что всех монастырей почесть посылали».⁶⁵ Можно себе представить, какое количество подарков скопилось в этот день у новосела.

Весьма распространенным был обычай поить приказных вином. Настаивая на присылке вина в Новгород, иверский стряпчий утверждал, что «без того быть некоторыми мерами не уметь».⁶⁶ Затраты на покупку или изготовление вина для приказных составляли большую часть расходов при подготовке обедов на монастырском подворье. Кроме того, подьячих приглашали просто «на винную чарку». В 1671 г. иверский стряпчий среди главных обвинений старцу новгородского подворья назвал следующее весьма важное для решения монастырских дел обстоятельство: «Надобной человек отнюдь у него на винную чарку не побывает».⁶⁷ Не упуская случая услужить, накануне Успения 1678 г. монахи потратили 15 коп. подьячим и стрельцам «на похмелье на вино и на пиво». В том же году монахи поднесли «в почесть пьяных денег воеводы рубль».⁶⁸ Как видим, для воеводы подношение спиртного могло заменяться деньгами.

Естественно, что приказные часто злоупотребляли даровым спиртным. По словам монастырского стряпчего, в 1674 г. даже ровно месяца спустя после Пасхи «ещо подьячие от праздника не укрепятца».⁶⁹

К разряду «почести» относились и всевозможные подарки приказным. Если эти подарки были недорогими, они действительно рассматривались как почесть, если же их стоимость составляла десятки рублей, это были уже явные посулы.

Самой распространенной почестью-подарком от монастыря была икона. От иверских властей новгородский воевода и дьяки обычно получали икону, проезжая из Москвы через монастырь. Икона с серебряным окладом, которой одаривали воеводу и дьяков, стоила до 4 руб., а простая икона без оклада для подьячих и прочих приказных — 1 руб. Из монастыря, случалось, одергивали новгородского стряпчего, просившего новых икон для приказных: «Всего Новагорода иконами не ударить (челом. — П. С.)», и для рядовых приказных ежегодную раздачу икон могли заменять деньгами.⁷⁰ Тихвинский монастырь раздал в Новгороде в 1677 г. 2 иконы на красном золоте, 16 — на двойном и 37 — на красках, в 1678 г. — соответственно 2, 22 и 25 икон.⁷¹

Иконы подносили многим приказным, но в первую очередь тем, у кого были монастырские дела. В 1668 г. иверский стряпчий сообщил в монастырь, что попозже поднесет присланную подьячему икону — «как дела будет поболше».⁷² В 1683 г. иверский стряпчий просил прислать икону на окладе подьячему дворцового приказа, «потому что много у него Григорья о монастырских ваших крестьянх дел и ныне о рыбных ловлях у него ж дело».⁷³

⁶⁵ Там же. Ф. 181. Оп. 2. № 43. Л. 62 об.

⁶⁶ Там же. Оп. 1. № 3017. Л. 46.

⁶⁷ Там же. № 1813. Л. 227.

⁶⁸ Там же. № 2764. Л. 1.

⁶⁹ Там же. № 2307. Л. 87.

⁷⁰ Там же. № 3089. Л. 125 об., 127 об., 241, 250 об.

⁷¹ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 269. Л. 5—6.

⁷² Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 1303. Л. 88.

⁷³ Там же. № 3228. Л. 160 об.

Большим спросом пользовались также издания Иверской типографии — книги Рай, Брашно и др. Подношение этих изданий от обители значило куда больше, чем их материальная ценность, к тому же получить их было непросто. В 1667 г. иверские власти писали в Новгород: «А что дьяк просил часовников и азбук и у нас часовники все в росходе, отнюдь не единово нет, а две азбуки послали» и их «поднести и побить челом, что часовников ни единово нет, все в росходе, а и о азбуках, будучи преосвященный митрополит у нас в Ыверском монастыре заказал, чтоб никому из монастыря не продавали и не роздавали б, толки ныне по твоему писму тихим обычаем послали».⁷⁴

Наиболее частым подношением от челобитчика был пирог. Его стоимость колебалась от 10 до 20 коп. Пирог был настолько частым и массовым подношением, что любая дача и даже крупный «посул» именовался в XVII в. «пирожком». Так, например, в 1682 г. из Новгорода писали в Иверский монастырь: «Боярин ожидает от крестьян гостинца — пирожка, а хочетца ему ста рублей одному, опроче детей».⁷⁵

Столь же распространенным подношением была рыба. В 1674 г. иверский стряпчий «на Фоминой недели в среду купил в рыбном ряду леща волховского» на 15 коп. и поднес боярину П. В. Шереметеву. И боярин «меня похвалял у себя в доме. И лучилось и приехать в приказ на той же недели в пятак к слову говорит о рыбе и он в приказной полате жаловал похвалялся, что де я в Новгороде, приехав, такой рыбки не едал, что стряпчей иверской принес». Здесь же стряпчий добился от боярина нужного ему распоряжения.⁷⁶ Эта «почесть», как и в большинстве случаев, была связана с решением конкретного дела.

К разряду более дорогих подарков относились кафельные печи, которыми славился Иверский монастырь. Они обходились монастырю в 20—30 руб. каждая.⁷⁷ В 1689 г. дьяк С. Боровитинов стал чинить препятствия в делах Иверского монастыря и открыто заявил монастырскому стряпчему: «Андрею де Сназину и по две печи присылают власти ваши, а я де об одной печи бил челом... и не пожаловали не приказали зделать. И говорит, не стыдяся: пригожусь де и я вашим властям не в соху, ино в борону»; ваш «архимандрит заскупился — меня де и образом не благословил, как де я ехал с Москвы в Новгород во дьяки. А у нас де ваших монастырских дел в Розряде не менши Андреева — истцовые всякие и расколницкие дела ведаем мы, а на вас де излишек есть челобитчиков».⁷⁸

Большой популярностью пользовались шкафы, изготавливаемые иверскими мастерами.⁷⁹ Редко какой воевода уезжал из Новгорода, не обзаведясь новой каретой, вещью весьма дорогой по тем временам, или хотя бы не ремонтировал ее за счет челобитчиков.⁸⁰

⁷⁴ Там же. № 1170. Л. 87.

⁷⁵ Там же. № 3089. Л. 153. О слове «пирог» в значении «посул» см. также: Там же № 3733. Л. 24 (1688 г.).

⁷⁶ Там же. № 2307. Л. 83.

⁷⁷ Там же. № 3816. Л. 37 об.

⁷⁸ Там же. Л. 20.

⁷⁹ Там же. № 1813. Л. 23, 49, 111, 202 об.; № 1588. Л. 96 об.; № 2004. Л. 75 об., 78.

⁸⁰ Там же. № 860. Л. 7; № 2658. Л. 1, 2; № 3228. Л. 268, 273; № 3532. Л. 81; № 3614. Л. 75.

Челобитчикам приходилось кормить лошадей воеводы. Такая практика восходила к нормам наместнического кормления XV—XVI вв., но, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, в XVII в. являлась скорее исключением. Так, в 1682 г. иверские власти вернули новгородскому воеводе боярину И. В. Бутурлину его лошадей, оставленных в монастырской вотчине «на прокормление до просухи».⁸¹

Подарки и услуги, которыми обременяли начальные люди подвластное население, раскрывают их вкусы и даже характер. Так, в 1669 г. казначей новгородского митрополита Питирима просил иверские власти прислать владыке «своих монастырских сухарей, а у владыки... то и пища, что вашего монастырского хлеба сухари».⁸² В том же году сам митрополит просил прислать ему из Иверского монастыря «книгу Аввы Дорофея с учеником ево Досифеем киевские печати» и «книгу Зерцало Диоптр, мне оне zelo душеполезны, чол де я Аввы Дорофея книгу еще блаженные памяти у суждальского архимарита у Иосифа»; «Он бес числа книгам охотник», — писал о Питириме в монастырь иверский монах.⁸³

В 1682 г. владычный ризничий специально привел иверского монаха в спальню митрополита Корнилия: «Был я... у владыки государя вверху в его владычных хоробах, — писал монах в монастырь, — в самой покоевой, мало хто и ходит в тое ево покоевую, и видился... ево владычню постелку, толке приветшала, и постелка, государи, толке магилевская рогожинка. И ризничей Никодим и келейник ево Тарасей говорили мне: нет ли у вас такой рогожинки ему владыки государю?».⁸⁴ В этой просьбе людей митрополита проявилось патриархальное отношение власти к подведомственному монастырю. Сверх установленных повинностей, монастырь должен был удовлетворять любые возникавшие запросы.

Такого же рода отношения к управляемому населению проявляли и воеводы. Стольник кн. Н. С. Урусов просил прислать ему «спевака, чтоб детей ево поучить киевскому пению».⁸⁵ Воевода боярин И. В. Бутурлин также просил прислать ему иверского уставщика «для учения спартесного пения».⁸⁶

В 1669 г. жена воеводы кн. Д. А. Долгорукова попросила иверского стряпчего раздобыть ей «кропового масла, сколько-нибудь, а ей гораздо нужно».⁸⁷ В 1685 г. боярин кн. М. Я. Черкасский прислал в Иверский монастырь своего человека за понадобившейся ему иконной олифой.⁸⁸ В 1688 г. сын воеводы узнал от приказных людей, что в Старой Руссе на иверском дворе есть «молодой волчек живой» и стал «безпрестанно» «докучать» иверскому стряпчему в Новгороде прислать волчка «ради потехи». «Сами вы... ведаете, — писал стряпчий в монастырь, — у них что малое полюбитца», нельзя не дать.⁸⁹

⁸¹ Там же. № 3089. Л. 56.

⁸² Там же. № 1440. Л. 85, 102; ср. № 1588. Л. 1, 11, 25.

⁸³ Там же. № 1440. Л. 148.

⁸⁴ Там же. № 3228. Л. 322.

⁸⁵ Там же. № 2517. Л. 40, 40 об., 47, 52, 53 об.

⁸⁶ Там же. № 3089. Л. 120, 137 об., 216.

⁸⁷ Там же. № 1440. Л. 1.

⁸⁸ Там же. № 3454. Л. 109.

⁸⁹ Там же. № 3733. Л. 143.

Начальные люди чувствовали себя вправе претендовать не только на понравившуюся им вещь, но и вообще на часть имущества челобитчика. В 1689 г. воевода кн. П. С. Прозоровский стал «припрашиватца» отдать ему плоты, на которых иверские крестьяне доставили в Новгород хлеб. Иверские власти рассчитывали пустить этот лес на дворное строительство, но воеводе нужны были «дрова на поварню пива варить». По словам монастырского стряпчего, если боярину «те бревна горазно нужны и от дачи тех бревен отбитца невозможно и за неволю ему боярину теми бревнами поступишья, потому, что ныне у нас хлопоты немалые». Так и вышло: на все отговорки стряпчего воевода заявил: «И тово де я у властей буто не заработал, не могу де у тебя выпрошати». Пришлось отдать два плота воеводе, а третий — дьяку А. Лобкову.⁹⁰

Разумеется, на практике было подчас невозможно провести четкую грань, где кончалась законная «почесть» и начинался незаконный «посул». Более того, в монастырских документах понятия «почесть» и «посул» («взятка») часто подменяют друг друга, что отражало переходный характер управления XVII в. Тем не менее уже в XVII в. существовало деление подношений на законные и незаконные, и явный «посул» называли «почестью», если хотели смягчить для себя или приказного неловкость дачи взятки.

Широкое понятие «почести» скрывало часто самый настоящий «посул» и даже вымогательство. В 1674 г. иверский стряпчий пришел домой к боярину П. В. Шереметеву с просьбой не посылать сыщика в монастырскую вотчину. Изложив дело, стряпчий, «встав, сказал» боярину: «Бьют челом тебе власти солонкою солью сто пуд, а и впредь твоей милости и радения в забвении не положат». Получив согласие воеводы, стряпчий «пошел от него, и за мною вышол казначей» и сказал, «чтоб хлебца какова Бог лучил и сколько мочно с солью прислали»; да еще просил боярин «сельдей, а ему ниhto схвалил, что де есть хороши».⁹¹

Факты беззастенчивого вымогательства «почести» и подарков не означают, что московское общество вовсе не осознавало неприличия подношения, которое влияло на исход дела челобитчика. В сентябре 1675 г. «ввечеру» иверский стряпчий явился на воеводский двор с мукой нового урожая — «новью», с тем чтобы заодно похлопотать о спорном деле с Юрьевским монастырем. Однако у воеводы «в то время лучились дворяне и чин такой, — пояснил стряпчий, — в ту пору как что хто поднесет — не бей челом ни о каком деле». Поэтому стряпчему пришлось еще дважды прийти на воеводский двор, пока он не застал воеводу одного и только тогда изложил свое дело. Несмотря на сделанное подношение, воевода отказал в просьбе.⁹²

Формально к разряду услуги «почести» относилась льготная продажа начальным людям нужных им монастырских товаров. В 1678 г. воевода Ю. М. Одоевский, узнав, что в монастыре есть прекрасный жеребец, «зело ступист», и лошадь «з звездинкой», пожелал осмотреть и, если понравятся, — купить: «Я де денги не токмо цену и с лишком заплачу и доброе монастырю делать рад»; а если же они не

⁹⁰ Там же. № 3816. Л. 67, 72, 86.

⁹¹ Там же. № 2307. Л. 7—8.

⁹² Там же. № 2421. Л. 59—60.

столь хороши — «мне де не надобь и своих небылиц много», — заявил воевода. Стряпчий писал о Ю. М. Одоевском в монастырь: «Не можем к ево нраву применитце, какую и почесть чиним..., и то нам кажетце, что ему не в честь». Поэтому монастырь тут же прислал требуемых лошадей: хоть и «не волная продажа, а не показать — будет во всяком деле здорить». Впрочем, лошади боярину «не полюбилсь», и он просил прислать ему 2 печи «кафли».⁹³

Такого рода услуги приказным легко перерастали в настоящий «посул». В 1671 г. воевода М. И. Морозов попросил продать ему 1000 пудов монастырской соли и привезти к нему в Новгород на монастырских подводах. Власти правильно поняли просьбу воеводы: они продали соль по льготной цене 7 коп. за пуд, а сверх того, «ударил челом» еще 100 пудами «безденежно». Вслед за тем, чтобы избежать платежа ямских денег, они предложили воеводе бесплатно всю тысячу пудов, т. е. 100 руб. по рыночной цене.⁹⁴ В 1677 г. воевода Н. С. Урусов решил послать в Москву 500 пудов соли. Он попросил продать ее в Иверском монастыре его казначею, когда тот поедет в столицу, «а давал только по семи копеек, а мы сказывали, что у нас по лету менши гривны не продают..., ведомо, что на нем против лютцкой цены не взяты».⁹⁵ Таким образом, на этой льготной продаже воевода выгадал 15 руб.

Еще одна услуга приказным — дача займы денег и товаров — в наибольшей степени приближалась к форменному посулу. В 1683 г. на просьбу дьяка С. Прокофьева о займе хлеба иверские власти распорядились «хлеба ему подвести в почесть, а не займы, а займы их ведомы».⁹⁶

Другой вид подношений причитался приказным за конкретную работу при ведении дела. Здесь приходилось оплачивать едва ли не каждый шаг и действие приказных. Как писал иверский стряпчий в 1688 г., «в городе, государи, любят з денгами, а не без денег, и пристав поступить не хочет без взятыя, а подьячие писать и пера в руки взять без платежю не хочет».⁹⁷

Обычно «за работу» приказным платили в самом приказе. Когда горькому пьянице иверскому стряпчему перестали доверять деньги для расплаты с приказными, он жаловался в монастырь: «В приказе в столах, какие лучатца дела у подьячих, и оне просят наперед за работу. А мне дать нечево, а на двор велю ходить к строителю, и оне не идут и говорят: за своею де работою ходить да не в честь бить челом, будет надобно какое дело и сам принесешь»; «которой доброй человек и тот придет, а иные только выбернат, так что и слушать нельзя».⁹⁸

Стоимость простой переписки одного листа молодыми подьячими была невелика: 1—2 коп. за лист. В 1674 г. иверские монахи «наняли списывать» шестерых подьячих 400 «столпцов» и «за бумагу и за свечи» заплатили всего 4 руб. 50 коп., т. е. чуть более 1 коп. за

⁹³ Там же. № 2726. Л. 35—35 об., 37, 38, 42, 46; № 2797.

⁹⁴ Там же. № 1813. Л. 21, 27, 49, 57; № 1838. Л. 1—3, 5.

⁹⁵ Там же. № 2624. Л. 24.

⁹⁶ Там же. № 3228. Л. 155, 321.

⁹⁷ Там же. № 3733. Л. 3.

⁹⁸ Там же. № 2307. Л. 37—38, 142.

лист.⁹⁹ В 1667 г. площадного подьячего пригласили на иверское подворье и заплатили ему за изготовление списков с документов «за пять столпцов» — 10 коп., т. е. 2 коп. за лист. В том же году за список с межевой книги, уместившийся на дести бумаги (8 листах в четверку), подьячему заплатили «писчего» 15 коп., т. е. чуть менее 2 коп. за лист. В 1668 г. площадный подьячий скопировал для Иверского монастыря 36 столбцов за 40 коп., т. е. чуть более 1 коп. за столбец.¹⁰⁰

Однако составление документов обходилось челобитчикам намного дороже, чем плата за простое копирование. Челобитная, написанная площадным подьячим, стоила 1—2 коп.¹⁰¹ Записать ее в приказе обходилось в 3 коп.¹⁰²

Цена выписки колебалась в зависимости от объема и обстоятельств дела от 10 до 50 коп. и лишь изредка выходила за указанные пределы, составляя от 5 коп. до 1 руб. Помета выписки старшим подьячим и дьяком обходилась около 20 коп., но чаще дьяку платили за помету выписки 1 рубль.¹⁰³

Стоимость памяти, хотя и могла колебаться в зависимости от обстоятельств, была вполне определенной. В 1674 г. иверский стряпчий заранее знал, что «пишее» за две памяти обойдется ему в приказной палате «кто не пожалует — десять алтын, а кто по добrote — две гривны».¹⁰⁴ Следовательно, цена одной памяти колебалась от 10 до 15 коп. Судя по расходным книгам, монастырским стряпчим почти не удавалось получить память по минимальной цене и обычно за нее платили 15, 17, 20, 25 коп. Более высокая цена за память, как это специально отмечалось в монастырских расходных книгах, могла быть вызвана тем, что челобитчикам приходилось оплачивать весь процесс создания документа, включая и черновик. Нельзя исключить и возможности лукавства монастырских стряпчих, которые могли при расплате с подьячими оставлять несколько копеек себе. За помету памяти подьячему могли заплатить 50 коп., дьяку — 1—5 руб.¹⁰⁵

В 1678 г. за составление грамоты в Новгороде тихвинские монахи заплатили подьячему 25 копеек «за работу».¹⁰⁶

Плата приставам — «хоженое» — обычно составляла по норме Соборного уложения 10 денег, но в исключительных случаях, когда приставы шли в чем-то навстречу челобитчикам, могла достигать 12—15 коп. Если челобитчика брали «за пристава», это влекло еще большие дачи подьячему и приставу. В 1675 г. иверский стряпчий сообщал в монастырь: «Хожу дни два или три и за поруками и за волокиду и за работу подьячему и приставу на всяк день давай, а

⁹⁹ Там же. № 3207. Л. 159.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 2. № 39. Л. 323 об., 328; № 43. Л. 33—33 об.

¹⁰¹ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 197. Л. 44; № 219. Л. 4 об.; № 385. Л. 2. 3.

¹⁰² Там же. № 385. Л. 6 об.

¹⁰³ Там же. № 369. Оп. 2. № 369. Л. 1 об.; № 385. Л. 3 об., 5 об., 8—8 об.; № 417. Л. 6 об.; № 472. Л. 4; Ф. 181. Оп. 2. № 35. Л. 282; № 43. Л. 19 об., 29 об., 34, 35 об., 39, 66 об.; № 311. Л. 12 об.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 2307. Л. 143.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 284. Л. 4; № 363. Л. 2, 4 об.; № 369. Л. 1 об.; Ф. 181. Оп. 2. № 35. Л. 295; № 43. Л. 2 об., 6 об., 10 об., 15 об., 17 об., 25, 32, 32 об., 35, 45 об., 49 об., 61, 65; № 311. Л. 12; № 366. Л. 8 об.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 132. Оп. 2. № 369. Л. 2 об.

даром ныне никто не пойдет».¹⁰⁷ В этом отношении обеспечение приставов в Новгороде XVII в. едва ли чем отличалось от того, что было в московских приказах. Единственное отличие, которое удалось проследить по монастырской документации, состояло в том, что приставы в Новгороде менее считались с правами челобитчиков, чем в Москве. В 1669 г., по словам иверского стряпчего, за ним иногда присылают «на двор» по 20 стрельцов «и по граду до приказа ведут аки некоторого злодея. А на Москве стряпчей не один, будучи в стряпне, такова над собою бесчестья не знает, потому что на Москве приставы ждут за ворота, а здесь и ворота выломав, или через тын перелезут, да, взяв, сведут в приказ нечестно».¹⁰⁸

Приставу или подьячему, посылаемому по делам челобитчика за город, последний должен был «езд»: по норме Уложения 1649 г. — полтина на сто верст, причем закон запрещал брать с челобитчиков сверх этой нормы.¹⁰⁹ На практике, разумеется, зачастую давали больше. Так, в отписке в монастырь ноября 1666 г. иверский стряпчий в деталях описал процедуру дачи «езда»: «Я с приставами зговаривался о езде, и оне просили трех рублей, а кончье стали на дву рублех». Тогда стряпчий стал жаловаться новгородскому воеводе, что «приставы не против государева указу ездю просят, дорогою ценою. И боярин им сказал: ино де на государе патриархе взять не против государева указу езд! Иверский де монастырь от иных монастырей отменить и велел дать езд по государеву указу на сто верст по полтине да подводы».¹¹⁰ Т. е. не только сами приставы запрашивали «езд» выше нормы Уложения, но и сам воевода признавал такую практику и только для патриаршева Иверского монастыря повелел сделать исключение — дать «езд» по закону.

И в дальнейшем «езд» оставался предметом торга с приставами и подьячими. В 1669 г. иверский стряпчий дал «езду» до монастыря подьячему 1 рубль, приставу — 15 коп., хлеба и рыбы на дорогу, «а без того лено подьямался ехать». По приезду в монастырь тот же подьячий получил еще 7 руб. «с лишком», а пристав — 2 руб. Эта «почесть» рассматривалась монастырскими властями как вполне достаточная, и новгородский стряпчий получил распоряжение ничего более подьячему и приставу не давать.¹¹¹ В других случаях «езд» давали по закону — полтину до монастыря, правда иногда с оговоркой «хотя и еще дать».¹¹²

В особых случаях, когда, например, по делам монастыря посылали сам дьяк, размер «езда» многократно возрастал. В 1689 г. по земельным делам монастыря из Новгорода был послан дьяк, подьячие и 10 стрельцов. Кроме рыбы, круп и толокна, «чтоб было чем доехать», они получили 10 руб., а дьяк — верховую лошадь «да две лошади в коретку да две — в палуб». Под подьячих, их людей и стрельцов были наняты ямские подводы.¹¹³

¹⁰⁷ Там же. Ф. 181. Оп. 1. № 2421. Л. 38.

¹⁰⁸ Там же. № 1440. Л. 151.

¹⁰⁹ Соборное уложение 1649 г.: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 46 (гл. X. Стб. 142—148).

¹¹⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 1089. Л. 24—25.

¹¹¹ Там же. № 1440. Л. 10, 52.

¹¹² Там же. № 1442. Л. 8—9; № 3733. Л. 146.

¹¹³ Там же. № 3816. Л. 84.

Стоимость отписи в приеме податей колебалась от 1 до 2 денег с каждого облагаемого двора. Такая расценка была нормой, но от нее могли быть отклонения. В 1679 г. иверские монахи советовались с монастырскими властями, стоит ли брать отпись об уплате денег за приписью самого дьяка, а не подьячего — это более надежный финансовый документ, но и более дорогой: «Отпись за дьячьею приписью... подьячие ставят дорого, просят со всякого двора по 2 де».¹¹⁴

В феврале 1687 г. из Новгорода подробно описали коллизии, возникшие в связи с тем, сколько следует платить за отпись: на просьбу прислать в Новгород «проводных денег» к платежу «з двора по две денги» монастырские власти ответили, что им известно о распоряжении новгородского митрополита «на проводы дать по одной денги, а не по две» с каждого двора. По мнению иверских монахов, попытка старейших новгородских монастырей иверских монахов самим платить деньги в казну Москвы не увенчалась успехом: «ссора и убыток один». Поэтому старейшие новгородские монастыри вернулись к платежу казенных налогов в Новгороде: «А здесь, государи, начальников, и указшиков много: деньги указано нам отдать по указу великих государей в приказную палату; и отписи всех монастырей брали ис приказные полаты за дьячими приписями и подьячему справчему с молодыми и дьяку сходило у них больше дву денег з двора, опроче запасов». Иверские монахи договорились с одним новгородским подьячим о приеме денег «у нас на подворье без хлопот приказных». Однако тогда другие приказные «били челом владыки государю на вас властей, и чтоб нам подможные денги заплатить с рубля по две денги». Митрополит повелел дать приказным только по 1 денге с двора. Для большей уверенности иверские власти «докладывали» боярину и дьяку, и они «подьячим проводных денег давать не велели, потому что де оне подьячие за теми денгами за збором ездили в пятинах и збирали те рублевые денги и тем де добывались. И ныне им подможных денег не довелось дать. И ныне в тех денгах и отпись во взятъе остановилась, и дьяк и подьячие отписки не дают».

В ответ иверские власти приказали «под отпись дьяку и подьячим, пробыть без того невозможно, заплатить по денги з двора, чтоб от отписи остановки не было».¹¹⁵ В данном случае монастырские власти разрешили заплатить подьячим за отпись, но только в том случае, если без этого нельзя будет обойтись. Как видим, при существовании определенной нормы платежа за отпись — по 2 денги с каждого податного двора — существовали различные пути корректировки этого обычая в свою пользу как со стороны плательщика, так и со стороны приказных.

Борьба Иверского монастыря и новгородских приказных за стоимость отписи продолжалась и в 1688 г.: новгородский стряпчий просил прислать из монастыря ямские деньги, «а на проводы з двора по 2 де», «потому что дьяк с ыных монастырей берет под отпись по 2 де, а с нашего, хотя и по денги возьмет, да подьячие тож за работу захот же. А дьяк... вновь затеял брать себе за припись писчее. И я околородных монастырей влаstem многожды говорил, чтоб на не-

¹¹⁴ Там же. № 2806. Л. 109 об.

¹¹⁵ Там же. № 3614. Л. 32—33, 63.

го боярину побить челом. И власти и не смотрят, а говорят: в пульном де деле нам з дьяком остужатца».¹¹⁶ В том же году иверский стряпчий просил прислать ему из монастыря «проводных денег к рублевым денгам» уже по 4 де с каждого двора, «потому кто которой подьячей те денги повезет к Москвы и поневоли будешь давать проводом з двора по 2 де против прежняго, да которой и подьячей станет принимать и отписи давать, а дьяк помечать даром не станет, конечно изойдет... и по другой по 2 де».

Описание дальнейших пререканий с приказными по поводу уплаты рублевых денег иверский стряпчий заключил так: «Только на слова мои мало смотрят, хотят, чтоб почесть и поили б и кормили их и взятку, а так де неохотно нам с рублевыми денгами стряпчего ждать».¹¹⁷

Мало-помалу приказные добивались увеличения отчислений себе при выдаче отписей. В 1687 г. при платеже стрелецкого хлеба приказным шло уже по 10 денег с каждого облагаемого двора «для того, что в двух местах платеж»; «и в том же хлебе стало две отписи, а дача стала под отписи дьяку за припись з двора по 2 денги, итого будет за обе по четыре денги да подьячим старому с молодыми по четыре денги да целовальником и сторожем».¹¹⁸ Десятки тысяч податных дворов Новгородской земли приносили приказным сотни рублей дополнительного дохода.

Кроме платы за отпись, приказные «у приему стрелецкого хлеба» получали и другие подношения. Так, в 1671 г. иверские монахи при уплате стрелецкого хлеба в Новгороде «за хлебную воску, что с подворья» возили, «роботником и подьячим и целовальником был стол, обедали, изошло» 1 руб. 22 коп.¹¹⁹

Итак, расходы челобитчиков на составление челобитных, выписок, памятей, грамот, отписей имели устойчивый, повторяющийся характер. Сопоставление этих расходов с аналогичными в московских приказах показывает едва ли не полное их тождество.¹²⁰ Переписывание и составление документов в Новгороде стоило совершенно столько же, сколько и в Москве.

В отличие от «почести» и платы за конкретную приказную работу, «посул» по своему существу был связан с нарушением закона и потому его размер обычно значительно превосходил другие виды подношений.

В новгородских землях была распространена контрабандная торговля табаком. Она была настолько выгодным делом, что крестьянин за одну поездку получал прибыль, которая во много раз превышала все его налоги за год. Каждый раз, когда монастырские крестьяне попадались с контрабандой, монастырь был вынужден покрывать их, чтобы избежать нежелательной огласки и позора для обители. Весьма важно было избежать пытки пойманных крестьян, чтобы они не выдали других участвовавших в деле. Штраф за каж-

¹¹⁶ Там же. № 3733. Л. 105—106.

¹¹⁷ Там же. Л. 157, 163, 204.

¹¹⁸ Там же. № 3614. Л. 16. В декабре 1687 г. из Новгорода еще раз подтвердили расходы на получение отписи в уплате стрелецкого хлеба: «Дьяку и подьячим по 4 де и от целовальников без дачи не изъедешь» (Там же. № 3454. Л. 217 об.).

¹¹⁹ Там же. № 1833. Л. 53.

¹²⁰ См.: *Седов П. В.* Подношения в Московских приказах XVII в. С. 142—143.

дого пойманного с табаком крестьянина был очень высок — 25 руб. Если дело охватывало многих крестьян, монастырю приходилось платить сотни рублей, перекладывая, правда, позднее платеж на самих крестьян.

В 1678 г. подьячий Сидор Родионов поймал с поличным иверских крестьян-табачников. Монастырь дал боярину и дьяку за прекращение этого дела 200 руб. По словам монастырского стряпчего, «ныне боярин и дьяк ему Сидору норовят, потому что от него им тот пирожок достался».¹²¹

В 1682 г., чтобы покрыть дело с контрабандной торговлей табаком, иверские монахи в Новгороде полагали необходимым дать боярину И. В. Бутурлину «от того дела и дьяком и подьячим» 200 руб. «с лишком». Иверскому стряпчему было известно также, что замешанный в деле Вяжицкий монастырь уже поднес «боярину и дьяком» 100 руб. «Так и всяк поборают по нем», — писал об И. В. Бутурлине иверский стряпчий.

Монастырские власти решили попытаться обойтись всего 100 рублями, но распределить их более умело. В наказе стряпчему в Новгород предписывалось: сначала «посулить» сыну боярина 10 руб., используя заступничество иверского монаха, обучавшего его пению, чтоб тот «заступил» перед отцом; затем сходить к самому боярину «вечером без людей» и «поднести ему письмо» в 50 руб., «и будет скажет мало», ссылаться на бедность монастырских крестьян. «А дьяком посулить» по 10 руб., подьячему — 5 руб. Сверх того, следовало поднести боярину книгу Брашно, а его сыну книгу Достамент.

Однако обойтись 100 рублями не удалось. Когда иверские монахи подали боярину «памяточку в пятидесяти рублях», «он ту пометочку нам в глаза кинул» и сказал: «Дай де мне крестьян, а я де прикажу их пытать, оговорят де всех своих товарищей, кто с ними по табак ездил и табаком торгует», тогда заплатите «и пятьсот рублей не токмо 50». Иверский стряпчий правильно понял боярский гнев и тут же, заняв деньги, поднес боярину 100 руб., его сыну — 10 руб., боярским дворецкому и казначею 10 руб., дьякам — 50 руб., подьячему С. Родионову — 30 руб., молодым подьячим — 5 руб., «и боярин и дьяки то табачное дело реклися покинуть и учинить его мертвенно».¹²²

С 80-х годов XVII в. «посул» за табачное дело новгородским приказным стал настолько обычным делом, что о нем говорили, как о нерушимом обычае. В 1682 г. иверский стряпчий просил воеводу И. В. Бутурлина покрыть такое табачное дело и «чтоб он от того дела пожаловал пирожек взял». Одновременно монастырский стряпчий пытался уговорить воеводу на меньшую сумму, упомянув, что и в вотчинах воеводы «таких промышленников много». На это воевода возразил: как его крестьян поймают с табаком и «о взятки наша братья не стыдятца, потому же с них берут». Воевода был согласен на «посул» в 60 руб., своему казначею — 10 руб., двум дьякам по 25 руб., подьячим — 20 руб., всего 140 руб.

Среди переписки монастыря и новгородского подворья об этом деле находится недатированная «роспись, что кому дано от дела»,

¹²¹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2806. Л. 127.

¹²² Там же. № 3089. Л. 165, 171, 172, 191.

но неясно, относится она к этому или к другому табачному делу или фигурирует здесь как образец. Эта роспись любопытна широким перечнем лиц, которым достался посул от табачного дела: боярин И. В. Бутурлин получил 100 руб., рыбу и пирог на 60 коп., его старший сын Василий — 10 руб., младший сын Никита — 5 ефимков ценю в 2 руб. 50 коп., боярский дворецкий и казначей — 10 руб., боярские люди — 1 руб., два дьяка — по пирогу и рыбы на 74 коп. и по 40 руб. каждый, их жены — по 3 ефимка, два дьяковых сына — по рублю, две их дочери — по 50 коп., два их племянника по 50 коп., дворовые люди дьяка — по 15 коп., подьячий С. Родионов — пирог на 7 коп. и 25 руб., другие два подьячих — по 10 руб. Всего приказным досталось 247 руб. 31 коп. и только 15 руб. пошло в казну в качестве штрафа.¹²³

В 1687 г. Иверский монастырь пытался избежать табачного дела, посулив «рублев десяток или другой» одному подьячему С. Родионову, «чтоб у него то дело было тайно, мочно ему Бога помнить», полагали монастырские власти, разумея прежние щедрые подношения подьячему. Однако С. Родионов доложил дело боярину П. В. Шереметеву. Тогда иверские монахи «докладывали» боярскому казначею о размере «подаяния» воеводе. Казначей заявил, что боярин «менши де прежнего окладу и ныне не возьмет». Прежний раз боярину было дано от табачного дела 70 руб., казначею боярина — 10 руб., дьяку — 25 руб., подьячему С. Родионову с товарищами — 20 руб. Когда иверские монахи пытались договориться с одним дьяком, то «он нам сам пенял, что де меня и прежи сего в сих делах избежали, а Сидор тож говорит, что прежнего окладу не нарушить». Свои слова С. Родионов подкрепил угрозой: ему известно, что шесть монастырских крестьян только что поехали за табаком «и будет де хотите, я их тотчас добуду». Монастырь немедленно выслал приказным требуемые 125 руб., не считая штрафа в казну.¹²⁴

Едва ли не столь же прибыльным для приказных были дела с поставкой солдат в так называемые полки «иноземного строя». Царские указы предписывали ставить в солдаты лучших крестьян, что было разорительно для землевладельцев. Всячески избывая эту повинность, монастыри либо добивались уменьшения количества требуемых с них солдат, либо поставляли вместо своих крестьян ярыжек из ближайшего кабака, которые разбежались, едва их уводили из Новгорода. По словам самих монастырских стряпчих, эти солдаты никуда не годились. Так, в 1675 г. иверские власти предлагали боярину за освобождение от поставки солдат 50 руб.¹²⁵ Однако солдат пришлось все же выставить. Иверский стряпчий писал о них в монастырь: «Иные солдаты присланы небылишные»: один «плут и бражник», другой — «без рук, руки в локтях скорчены, насилиу лошку ко рту принесет» и т. д.¹²⁶

Понятно, что за поставку таких солдат следовало щедро расплачиваться с приказными. В 1678 г. иверские власти послали воеводе Ю. М. Одоевскому и дьяку 50 руб., чтобы они не требовали высы-

¹²³ Там же. Л. 220, 239—240.

¹²⁴ Там же. № 3614. Л. 99, 101, 103, 116.

¹²⁵ Там же. № 2307. Л. 146.

¹²⁶ Там же. № 2421. Л. 102.

лать из монастыря необходимое количество солдат, а если «боярин и дьяки от того дела похотят взятку болшого», монастырь был готов выслать и 100 руб.¹²⁷ В том же году собранные с монастырей солдаты не были высланы на службу и, находясь в Новгороде, «боярский двор делали». Боярин не отпускал их по домам даже после царского указа об этом, и тогда митрополиту со «всеми монастырями» пришлось дать Ю. М. Одоевскому за роспуск солдат еще 100 руб.¹²⁸ В 1687 г., чтобы не ставить вместо умерших четырех солдат новых, иверские власти предлагали воеводе «рублев з десяток», «а скажет мало, хотя и дватцать рублей посулить»; кроме того, дьяку 5 руб. и подьячим 5 руб. Однако от этого дела только подьячий запросил «за все про все» 30 руб. и 20 пуд. соли.¹²⁹ В 1688 г. боярин и дьяк получили «от всех монастырей» 200 руб., чтобы не велели посылать в монастырские вотчины «для высылки салдат».¹³⁰

«Посулы» за освобождение от других повинностей шли по более низким расценкам: в 1678 г. за освобождение от поставки подвод Иверский монастырь заплатил один раз боярину Ю. М. Одоевскому 20 руб., его дворецкому — 2 руб., дьякам — по 5 руб., в другой раз боярину — 10 руб., дворецкому и дьякам по-прежнему,¹³¹ за освобождение от высылки кузнецов боярину посулили 20, «хотя и тритцать рублей», дьякам по 10 руб., но в данном случае Ю. М. Одоевский, страшась царского указа, от посула отказался и приказал выслать кузнецов.¹³²

Распространенным видом посула была дача части, а то и всего спорного имущества или денег судье. В 1682 г. накануне суда иверский стряпчий узнал, что у противной стороны «иск весь» — 50 руб. «отсулен боярину».¹³³ В 1683 г. боярин кн. Ф. С. Урусов присудил Иверскому монастырю спорные 150 возов сена; после суда монахи «половиною ему боярину поступились и дьяком». Тогда же в спорном деле с ямщиками на сумму 136 руб. иверские монахи собирались «боярину поступитца половиною».¹³⁴

Регулярные «посулы» шли приказным при сборе податей. Кроме платы «за работу» при приеме денег, о чем сказано выше, они часто незаконно корыстовались за счет казны. В 1670 г. иверские власти дали подьячим 20 руб. за отсрочку платежа запросного хлеба.¹³⁵ В 1675 г. подьячие просили у иверских монахов 10 руб. за снятие оброка с монастырской пустоши.¹³⁶

В 1673 г. подьячий С. Протопопов, «который государев хлебный запас принимает», говорил иверскому стряпчему, что ему известно, что монастырь на самом деле имеет на триста дворов больше, чем это записано в платежных документах; прежний стряпчий дал ему за молчание атлас в 10 руб., «а ныне де что мне властное жалование будет и еще потому: и в оклад против стрелецкого хлеба напи-

¹²⁷ Там же. № 2806. Л. 23, 25.

¹²⁸ Там же. № 2726. Л. 24, ср. л. 18—19.

¹²⁹ Там же. № 3614. Л. 44, 54.

¹³⁰ Там же. № 3733. Л. 160.

¹³¹ Там же. № 2726. Л. 75 об.; № 2806. Л. 17.

¹³² Там же. № 2726. Л. 92—93, 100.

¹³³ Там же. № 3089. Л. 190 об.

¹³⁴ Там же. № 3228. Л. 263, 268.

¹³⁵ Там же. № 1588. Л. 64 об.

¹³⁶ Там же. № 2426. Л. 75.

шу», — грозил подьячий. Стряпчий просил прислать С. Протопопову какое-нибудь подношение: «добра мало зделает, а худо скоро».¹³⁷

В 1683 г. Иверский монастырь «от платежу стрелецкого хлеба» поднес боярину В. С. Волынскому 10 руб., его дворецкому — 30 коп., двум дьякам — по 4 руб., их людям — 18 коп., на обед подьячим и целовальникам Житного двора ушло 46 коп.¹³⁸

Как правило, «посул» давался не одному боярину или дьяку, но и их подчиненным. Речь шла о подкупе не отдельного чиновника, а всей иерархической структуры или ее части, связанной с решением данного дела. Такая практика отражала продажность всей системы управления. В 1674 г. иверские монахи били челом воеводе П. В. Шереметеву об освобождении их от поставки даточных людей и «чтоб крепче и надежнее было и впредь ему памятно и ударили челом на мед» — 30 руб., дьяку 10 руб., подьячим «на всякой расход» — 10 руб., «а иное за молчание, чтоб також помоштвовали, а не перечили».¹³⁹

Корпоративность приказных в отношении к челобитчикам проявлялась как в связи с «посулами», так и с другими видами подношений — «почестью» и платой «за работу». В 1667 г. дьяк пожаловался воеводе, что иверские власти «ему рыбки не прислали, и боярин» В. Г. Ромодановский, призвав иверского стряпчего, «нарочно спрашивал: что кому дано»; и стряпчий «сказал, что дано митрополиту да ему боярину». Тогда боярин В. Г. Ромодановский упрекнул иверские власти, что на этот раз они ежегодной «почести привезли не так, как троицкия».¹⁴⁰ В 1669 г. ездивший в Иверский монастырь для земельного развода подьячий пожаловался своему начальнику, дворцовому дьяку П. Пятово, что «даром... в монастыре работал: не дали ни денги». П. Пятово стал в деталях выяснять, сколько в действительности подьячий получил за свою работу в монастыре. Иверскому стряпчему удалось оправдаться в несправедливом обвинении, поскольку подьячому было дано: 9 руб., шуба в 1 рубль 80 коп., рукавицы, 4 четверти хлеба, 5 пудов соли, 1000 огурцов и 2 ушата капусты, не считая наемных подвод.¹⁴¹ В 1674 г. иверский стряпчий просил монастырские власти учинить почесть подьячому, посланному в монастырь для сбора хлеба, чтоб подьячому было «чим в Великий Новгород приехав боярину ваша милость сказать, потому что боярин учнет у них спрашивать, кому где какова честь была».¹⁴²

Корпоративность приказных была основана также еще и на том, что нижестоящие должны были отчислять часть своих доходов «от дел» начальству. Такого рода отношения редко попадали в поле зрения челобитчиков, но все же и о них сохранились упоминания в переписке с монастырем. В 1687 г. иверские монахи так описали расходы на получение отписи в уплате ямских денег: «Под отпись дьяк... немалое число взял, тольке что приписал опроче подьячих, а и подьячие даром не станут работать, да писчего, и боярин не отнимает,

¹³⁷ Там же. № 2181. Л. 22.

¹³⁸ Там же. № 3089. Л. 229 об.

¹³⁹ Там же. № 2307. Л. 149.

¹⁴⁰ Там же. № 1170. Л. 137.

¹⁴¹ Там же. № 1440. Л. 10, 38, 41.

¹⁴² Там же. № 2181. Л. 135.

потому что он и сам с них окладное дело себе емлет».¹⁴³ Т. е. боярин не запрещал подьячим брать за выдачу отписи сверх «писчего», поскольку часть этой суммы забирал себе. Примечательно, что этот, без сомнения, незаконный побор боярину назван в монастырской отписке не случайным подношением, а «окладным делом».

Доходы воеводы от подчиненных ему приказных были связаны также с распределением наиболее выгодных должностей. В 1686 г. иверские монахи узнали, что на место прежнего приказного, приставленного к приему стрелецкого хлеба, «добиваетца быть у приему судья Яков Козляинов, а дает де боярину 100 руб. тольке боярин хочет поболши».¹⁴⁴

«Посулы», т. е. подношения чиновникам с целью нарушения закона, существовали задолго до XVII в. В 1518 г. Василий III, узнав, что в Новгороде «наместники судят сильно, а тиуны их судят по мзде», повелел участвовать в суде выборным от посада.¹⁴⁵ В XVII в., в связи с резким ростом делопроизводства, значение «посула» не могло не вырасти. Описывая свое новгородское воеводство (1662—1664), боярин кн. И. Б. Репнин упомянул в челобитной, что в Новгороде он «вершил» 856 только одних поместных дел.¹⁴⁶ При таком объеме делопроизводства открывались невероятно широкие возможности для обогащения за счет челобитчиков. Традиционные виды подношений, восходившие к намесническому кормлению XVI—XVII вв., меркли перед сотнями и тысячами рублей «посулов». В 1661 г. новгородский митрополит разбирал в Новгороде дело по извету московского гостя Шорина и дьяка Перфилия Ивановича на воеводу боярина Г. С. Куракина, который будто бы на воеводстве «здедал на себя денег двесте тысяч рублей».¹⁴⁷

Обобщенную картину подношений в Новгороде XVII в. следует дополнить характеристикой отдельных воевод и дьяков. В целом все они не брезговали брать с населения и «почесть», и «посул», но делали это каждый по-своему.

В исторической литературе кочует редкий пример бескорыстия воеводы: в 1666 г. боярин П. В. большой Шереметев отказался принять у киевских мешан посул в 100 руб. и использовал эти деньги в интересах казны. Впрочем, одновременно на него поступил донос в незаконном присвоении 220 руб. По иронии судьбы именно этот П. В. Шереметев, будучи на воеводстве в Новгороде (1673—1674), оказался едва ли не самым беззастенчивым лихоимцем. Принимая десятки и сотни рублей от Иверского монастыря, он неизменно приговаривал «кво не пожаловать, а вас пожаловать». Угождая воеводе, челобитчики несли ему, кроме денег, рыбы и соли, еще и хрен, который Шереметев «гораздо любит». П. В. большой Шереметев весьма редко появлялся в приказной палате: «человек прохладной, в приказ часто не ездит», бывал там иногда раз в две недели, а то и вовсе на один час, «охохь гулять в городе к людям и на поле ездит», ездил «по богомольям, а коли дома, и у него всегда гости». Выше мы привели описание того, как Шереметев напрашивался в

¹⁴³ Там же. № 3664. Л. 79.

¹⁴⁴ Там же. № 3532. Л. 109—110.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 280—281.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 335. Столпик I. Л. 74.

¹⁴⁷ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 596. Л. 5.

гости на иверское подворье. Новгородские дворяне подали на Шереметева жалобу «в налогах многих» «и в посулах», за что был на воеводу «государев гнев». Однако, судя по всему, Шереметеву удалось оправдаться.¹⁴⁸

Домогался подношений и новгородский воевода боярин кн. В. Г. Ромодановский. В 1667 г. иверский стряпчий писал о нем: «Хотя что наше (дело. — П. С.) и право, толко боярин любит гостиничек взять, не токмо хто поднесет, но и сам насылает и со всяким зговором, а что челобитьем или докукою никак дела не зделать, ништо ради опаючи государя патриарха учнет проводу делать». Далее стряпчий описал поползновение воеводы получить монастырской соли: «Да спрашивал меня боярин о старорусском соляном промыслу и с варницах и что соли, и я ему сказал, что в Старой Русе многия годы не бывал и ничево не ведаю, и он замолчал».¹⁴⁹

С другой стороны, отдельные приказные, принимая от челобитчиков подношения, проявляли сдержанность. В 1668 г. окольный кн. Д. А. Долгоруков, рассматривая дело, не взял от монастыря 20 руб., а согласился лишь принять говядины на 66 коп.,¹⁵⁰ хотя в других случаях шел на явные злоупотребления, получая десятки рублей посулов.

По-своему держал себя с челобитчиками воевода стольник кн. М. А. Черкасский. В 1675 г. иверский стряпчий так писал о нем: «Начальник пришел стропоткой, ни подаянием, ни словами, ни диковинками какими — ничем не подкупитца и не подбитца, да хотя хто чим и подобьетца, не найдеса на ево слова, всякой опасение свое держи, мало в чем поступился, хотя ково и любит, тотчас отбелит. а заступников отнюдь не любит, то ему пуши всего, хто за ково помолвит о заступлении».¹⁵¹

В 1682 г. воевода боярин И. В. Бутурлин завел с иверским стряпчим разговор: сулят ему другие челобитчики по 50 руб., «а от властей де ко мне писания никакова не бывало». Стряпчий верно оценил намек воеводы: «Знатно..., что хочет почести, толке и почесть берет запасами, а денгами у нас не берет».¹⁵²

Некоторые начальные люди поначалу отказывались от подношений, но затем начинали брать, как и все. Новгородский воевода Ю. М. Одоевский «зело человек стропотен, не как князь Никита Семенович Урусов и применитце к ево нраву неведомо как. Сперву показался бутто не емлет, а ныне, хто принесет, знатно, что не откинёт».¹⁵³ По словам иверского стряпчего, дворцовый воевода П. Я. Пятово «сперва он показался гораздо свят, а ныне с протчими вместе» берет.¹⁵⁴

Злоупотребления П. Пятово подробно описаны в коллективной челобитной дворцовых крестьян 1671 г. Свою жалобу крестьяне на-

¹⁴⁸ Барсуков А. Род Шереметевых. СПб., 1892. Кн. 6. С. 410—412; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 2181. Л. 46; № 2307. Л. 4, 37, 83, 85, 110, 112—113, 117—118, 145, 149, 156, 158, 162.

¹⁴⁹ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. № 1089. Л. 12—13.

¹⁵⁰ Там же. № 1303. Л. 65—66; Оп. 2. № 43. Л. 24—24 об.

¹⁵¹ Там же. № 2421. Л. 102.

¹⁵² Там же. № 3089. Л. 86.

¹⁵³ Там же. № 2726. Л. 21.

¹⁵⁴ Там же. № 1440. Л. 25.

чали с упоминания царского указа при посылке П. Пятово в Новгород: населению «убытков никаких не чинить и посулов и поминков ни от каких дел ни у кого ничего не иметь». Затем они перечислили полученное П. Пятово в Новгороде государево жалование на два года — 400 руб. и 800 четвертей хлеба «в приемочную меру с верхи, а в отдаточную... ружную меру того хлеба будет вдвое; да сверх того ему ж дано твоего великого государя жалованья с нас сирот твоих быки и бораны, и туши свинные, и птицы, и масло, и конские кормы и дрова». Любопытно, что крестьяне называли свои подношения дворцовому воеводе «государевым жалованьем», то есть обязательным кормом.

По словам крестьян, П. Пятово царский указ и жалование «поставил ни во что» и незаконно брал себе с каждого собранного рубля государевых податей «проводных денег по гривне и болши, да себе правят подьячие и приставы по ево ж Парфеньеву приказу езды великие и от отписей и за работу». Одних только «проводных» денег, то есть в карман воеводы за работу по сбору податей за три года, крестьяне насчитывали «больши тысячи рублей, а преж сего всякие оброки и пошлины с оброчных статей платили в приказе старосты и целовальники и от того крестьянем разоренья не было» и «от того ево Парфеньева многово разоренья во всех в новгородцких дворцовых селех запустело болши» 200 дворов.

В нарушении обычая П. Пятово «поклонные и подписные пошленные денги емлет себе, а преж того из древних лет те денги иманы из ящика великого государя в казну и записываны в приходные книги и в сметные списки по вся годы особо статьями» (действительно, эта сумма — около 70 рублей — записывалась в окладные и сметные списки по Новгороду, а при П. Пятово она исчезла); «да он же Парфеней емлет себе с исца и с ответчика, которые в суде не быв, а помирятца по гривне с человека, а до ево Парфеньева приезде те денги иманы в государеву казну». Пятово забирал себе и «многие пенные» деньги (штрафы), которые также должны были поступать в казну. Крестьяне доносили, что собранные с них на всякие «мирские расходы» больше тысячи рублей израсходованы П. Пятово неизвестно на что.

При приеме хлеба Пятово «приказал на Житном дворе подьячим со всякого хлебного платежу имать с крестьян на себя со всякой четверти по алтыну, опроче того, что подьячие себе с крестьян имали». Эти «зборные алтыны» подьячий «вскоре» не отдал Пятово, за что был бит по приказу дворцового воеводы «и от того бою» умер. Кроме того, при приеме хлеба Пятово сверх обычных денег за составление платежных отписей «и сверх алтынов имал с старост и с целовальников со всякой волости рублей» по 10—15 «и болши».

Когда выходцы из-за рубежа били челом о пустых землях «в сидьбу», Пятово брал с каждого «посулу» по рублю или по два. Дворцовый воевода корыстовался и деньгами, собираемыми в пользу приставов, которые ездили для всяких дел в крестьянские волости. Он же, выдавая крестьянам ссуду на семена, брал себе «посула» по 10—15 коп. с каждой четверти и даже крал собранный на государя хлеб и продавал его.¹⁵⁵ Таким образом, крестьяне обвиняли путного ключника П. Пятово в незаконном присвоении нескольких тысяч

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 1135. Л. 126—138.

рублей только с одних дворцовых земель. У новгородских воевод подвластная территория была в десятки раз больше, и перед ними открывались куда большие возможности для обогащения.

Различия между воеводами состояли в том, что один осторожно принимал подношения запасами стоимостью не более нескольких десятков рублей за один раз, а другой смело брал деньгами по 100—200 руб. Отсутствие сводных данных о размере таких подношений затрудняет их общую стоимостную оценку. К тому же приказные брали по-разному. Несомненно одно: за год-два управления Новгородом воевода получал с населения деньгами и запасами на несколько тысяч или даже десятков тысяч рублей. Эти огромные для XVII в. суммы многократно превышали годовое денежное жалованье из казны и доходы с собственных вотчин.

Итак, подведем некоторые итоги. Подношения XVII в., какими они представляются по материалам Новгорода, носили переходный характер между наместническим кормлением XV—XVI вв. и подношениями последующего времени. При сохранении многих внешних элементов наместнического кормления, справедливо отмеченном Г. П. Ениным, праздничное кормление XVII в. и другие всевозможные виды «почести» постепенно утрачивали свой обязательный характер как нормированный корм приказным и становились частью расходов на оформление дел или замаскированными «посулами».

Принципиальное отличие подношений XVII в. от предшествующего времени состояло в том, что наиболее значительные и регулярные подношения приказные получали в связи с ведением дел. Эта связь растущего в XVII в. делопроизводства со старыми, наместническими по происхождению, формами «почести» отражала процесс зарождения в недрах средневекового чиновничества новых ростков будущей бюрократии. Таким образом, вывод Г. П. Енина о «неизменности» в XVII в. наместничьих кормов XVI в. представляется сильно преувеличенным. Подношения приказным XVII в. не могли остаться неизменными по сравнению с XV—XVI вв., поскольку само московское общество не оставалось неизменным.

Вместе с тем было бы неправильно преувеличивать значение новых бюрократических начал в допетровской Руси. В условиях Московского царства XVII в. они были обратной стороной типично средневековой, небюрократической системы обеспечения приказных — не из казны, а едва ли не полностью за счет населения. Такая «бюрократизация» была следствием слабых финансовых возможностей Московского государства XVII в.

В ходе петровских реформ старый приказной аппарат был преобразован на новых, регулярных началах и, как известно, по западным, в основном шведским образцам. Однако водворение иноземной практики на российской почве не уничтожило системы кормления аппарата управления, в особенности местного, за счет населения. Более того, после смерти Петра такое кормление от дел, если оно не было сопряжено с нарушением закона, было узаконено под иностранным названием «акциденция» и официально существовало в российской провинции до начала 60-х годов XVIII в.¹⁵⁶

¹⁵⁶ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 253—256, 265, 267; Анисимов Е. В. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 101—102.

Эта живучесть средневековых принципов обеспечения чиновников в России была не просто пережитком наместнического кормления, а следствием неразвитости финансовой сферы, проявлявшейся, хотя и в различной степени, как в XVII, так и в XVIII—XIX вв. Это обстоятельство было отмечено еще М. М. Богословским в связи с областной реформой Петра I. Желание царя-реформатора перевести всех чиновников империи на казенное жалованье было невыполнимо: в 1715 г. жалованье всей областной администрации России составляло 173 тыс. руб., а содержание только одной новоприсоединенной Лифляндской губернии со всем составом шведских учреждений и с сохранением шведских норм жалованья потребовало бы 200 тыс. руб. в год.¹⁵⁷

Широкая и частью разрешенная практика подношений чиновникам от населения позволяла подданным влиять на решение своих дел. Неуплата или задержка податей, уклонение от службы, прямое нарушение закона — всего этого можно было добиться за счет подношения приказным. Вот почему правительство, как правило, не сомневалось в причинах невыполнения собственных распоряжений и видело в этом «бездельную корысть» воевод и приказных, за которую неизменно грозило «казню и опалой безо всякие пощады».

Неистребимость подношений чиновникам как составной части их обеспечения порождала необходимость постоянного грозного окрика «сверху», чтобы система управления работала. Чем более значительные задачи ставили власти перед чиновниками, тем более жесткая требовалась система контроля, угроз и наказания, в противном случае население имело возможность откупиться от приказных и полностью или частично саботировать решения правительства. Так сохранение архаической системы содержания приказных за счет населения, наряду с отсутствием развитых сословных прав и привилегий, делало неизбежным упрочение российского самодержавия через ужесточение политического режима.

---

¹⁵⁷ Богословский М. Областная реформа Петра Великого. С. 262.